

Лучший автор исторических романов
всех времен и народов. The TIMES

ПАТРИК О'БРАЙАН

Командир и штурман

Роман о капитане
Джеке Обри и докторе
Стивене Мэтьюрине

Несколько книг не покидают списки бестселлеров
десятки лет благодаря подлинному, непреходящему
совершенству. Например, это «Властелин колец»
или морские истории Патрика О'Брайана.

Урсула К. Ле Гуин

Хозяин морей

Патрик О`Брайан
Командир и штурман

«Феникс»

1970

УДК 82/89
ББК 84.4Вл

О`Брайан П.

Командир и штурман / П. О`Брайан — «Феникс»,
1970 — (Хозяин морей)

ISBN 978-5-222-40770-7

«Командир и штурман» – первый роман знаменитой исторической серии Патрика О`Брайана, посвященной эпохе наполеоновских войн. В нем завязывается дружба между капитаном британского королевского флота Джеком Обри и судовым врачом Стивеном Мэтьюрином. Их шлюп «Софи», курсируя у побережья Испании, показывает чудеса героизма в столкновениях с испано-французскими судами.

УДК 82/89
ББК 84.4Вл

ISBN 978-5-222-40770-7

© О`Брайан П., 1970
© Феникс, 1970

Содержание

От автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	49
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Патрик О'Брайан

Командир и штурман

MASTER AND COMMANDER

Copyright © 1969, Patrick O'Brian Все права защищены

© Кузнецов В., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Феникс», оформление, 2023

MARIAE LEMBI

NOSTRI DUCI ET MAGISTRAE

DO DEDICO¹

¹ Марии Лемби, нашей вдохновительнице и наставнице, посвящается (*лат.*).

От автора

Когда пишешь о британском королевском флоте XVIII и начала XIX века, трудно удержаться от субъективных оценок и воздать должное своему герою. Ведь зачастую действительность столь невероятна, что затмевает любой вымысел. Даже чрезвычайно живое воображение с трудом поможет представить шуплую фигуру тогда еще коммодора² Нельсона, прыгающего с борта своего покалеченного семидесятичетырехпушечного «Кэптена» в окно кормового балкона восьмидесятипушечного «Сан-Николаса»; вихрем промчавшись по его палубе и захватив корабль, он уже на борту другого гиганта – stodвадцатипушечного «Сан-Иосифа». И вот, «очутившись на палубе сего первоклассного испанского корабля, убранство коего более подобало дворцу, я получил офицерские шпаги побежденных, каковые передал Уильяму Фирни, одному из моих боцманов, и тот с невозмутимым видом сунул их себе под мышку».

Страницы Битсона, Джеймса, Морских хроник, документы Адмиралтейства, биографические работы Маршалла и О'Берна полны героизма. Подвиги, возможно, чересчур приукрашены (ведь был лишь один Нельсон), но тем не менее не выдуманы – убежденность авторов подтверждает жизненную достоверность событий. Вот почему для меня так важны документальные источники. Из огромного количества превосходных, но дурно описанных языком казенных отчетов баталлий я отобрал несколько таких, которыми особенно восхищаюсь. Когда я пишу о каком-либо сражении, то использую шканечные журналы, официальные письма, рапорты, воспоминания современников и участников, чтобы подтвердить каждую деталь. С другой стороны, я не чувствую себя рабом, прикованным к точной хронологии событий; дотошный морской историк заметит, что сражение сэра Джеймса Сомареса в Гибралтарском проливе произошло после сбора урожая. Он также заметит, что по крайней мере одно из описанных мной сражений «Софи» произошло совсем с другим шлюпом, хотя и с таким же парусным вооружением. Действительно, используя документы, стихотворения, письма, я позволил себе ряд вольностей. Короче говоря, порой *j'ai pris mon bien là ou je l'ai trouvé*³, и в литературно допустимых пределах общеисторической точности я изменял имена, географические названия и второстепенные события, чтобы они вписались в канву моего повествования.

Я придерживаюсь следующей точки зрения. Достойных восхищения людей того времени – таких, как Кокрейн, Байрон, Фальконер, Сеймур, Боскавен, и многих других, не столь знаменитых моряков, из которых я в известной степени лепил моих персонажей, – лучше всего прославить их собственными делами, а не вымышленными подвигами. Подлинность – вот чистый бриллиант, поэтому отзвуки их речений имеют непреходящую ценность.

Мне хотелось бы выразить благодарность за советы и помощь, которую я получил от знающих и бесконечно терпеливых сотрудников Public Records Office⁴ и Национального Морского музея в Гринвиче, а также командира корабля британского королевского флота «Виктори». Польза, которую он принес книге, так же велика, как и его доброта.

² Капитан 1-го ранга; командующий соединением кораблей.

³ Хорошей мыслью грешно было не воспользоваться (*фр.*).

⁴ Лондонский архив.

Глава первая

Музыкальный салон губернаторского особняка в Порт Магоне – нарядную, высокую, восьмигранную залу с колоннами – наполняли торжествующие звуки первой части квартета Локателли до мажор. Музыканты-итальянцы, прижатые к дальней стене тесно составленными рядами легких золоченых кресел с круглыми сиденьями, играли со страстной убежденностью, поднимаясь к предпоследнему крещендо, за которым после продолжительной паузы следовал мощный, освобождающий финальный аккорд. Если не все, то некоторые из сидевших в позолоченных креслах внимали крещендо с достойной исполнению напряженностью. Двое таких слушателей сидели в третьем ряду слева. Их места волею случая оказались рядом. Сидевшему с краю мужчине можно было дать и двадцать, и тридцать лет. Его мощная фигура заполнила кресло так, что почти скрыла всю его позолоту. На этом джентльмене была парадная форма лейтенанта королевского флота: синий мундир с белыми лацканами, белый жилет, панталоны и чулки; в петлице – серебряная медаль участника сражения на Ниле⁵. Безупречно белая манжета с золотой запонкой отбивала такт, а ярко-голубые глаза на загорелом, но побледневшем от волнения лице с выступившим румянцем не отрывались от смычка в руках первой скрипки. Но вот наступила кульминация, за ней вновь пауза – и завершающие звуки. С последним аккордом кулак моряка с силой опустился на колено. Офицер откинулся на спинку кресла, закрыв его целиком, счастливо вздохнул и с улыбкой повернулся к соседу. Из уст его было готово вырваться: «По-моему, исполнено великолепно, сэр!», но слова застряли в горле, когда он наткнулся на холодный, если не враждебный взгляд и услышал шепот:

– Если вам уж так нейдет отбивать такт, сударь, умоляю, делайте это хотя бы вовремя, а не с опережением на полтакта.

Выражение лица Джека Обри изменилось: дружелюбную готовность к общению тут же сменила несколько смущенная враждебность. Он действительно отбивал такт, и, хотя считал, что отбивал точно, это все равно было верхом легкомыслия. Лицо его стало багроветь, он уставился в бесцветные глаза соседа и вскипел: «Я полагаю...», но тут его прервали аккорды зазвучавшей в медленном темпе музыки.

Задумчивая виолончель пропела две собственные фразы, а затем затеяла диалог с альтом. Но музыка уже не захватывала Джека полностью, он поневоле краем глаза изучал досадного соседа. Это был невысокий, темноволосый, бледный человечек в заношенном черном сюртуке – типичный шпак. Возраст его было трудно определить не только потому, что у него была ничем не примечательная внешность, но еще и из-за парика с сединой, по-видимому на основе из металлических нитей и без всяких следов пудры. Ему можно было дать и двадцать лет, и шестьдесят. «Пожалуй, он мой ровесник, – подумал Джек. – Бледная немочь, но до чего спесив!» Сделав такой вывод, он снова погрузился в музыку. Проникаясь ее гармонией, Джек с не меньшим увлечением следил и за мелодической алгеброй изящнейших арабесок. О соседе он вспомнил лишь в перерыве, да и то избегал смотреть в его сторону.

Звуки менуэта заставили молодого офицера непроизвольно кивать головой, а когда он поймал себя на том, что рука его готова взмыть в воздух, то сунул ее под колено. Менуэт был оригинален и приятен, не более того, но за ним последовала удивительно сложная и драматичная последняя часть, которая, казалось, вот-вот откроет некую тайну. Могучие аккорды сникли до шепота одинокой скрипки, и постоянный гул, который не стихал все это время в задних рядах, едва ли не заглушал ее звуки. Какой-то военный громко фыркнул, и Джек сер-

⁵ Сражение на Ниле произошло 1–2 августа 1798 г. у мыса Абукир (Египет) между английским флотом под командованием адмирала Горацио Нельсона и французскими кораблями, которыми командовал адмирал Франсуа-Поль Брюэс. Поражение французского флота лишило армию Наполеона во время ее Египетской экспедиции морских коммуникаций.

дито оглянулся на него. Затем скрипке стали вторить остальные участники квартета, и музыкальный сюжет вернулся к своему началу. Было необходимо вновь попасть в струю, поэтому, когда зазвучала виолончель с ее предсказуемо-неизбежным «пом, пом-пом-пом, по-ом», Джек уткнулся подбородком в грудь и, не сумев удержаться, промычал в унисон с инструментом: «Пом, пом-пом-пом, по-ом». Но тут же получил локтем в ребро и услышал, как в ухо ему шикнули. Вдобавок он заметил, что его взметнувшаяся рука вновь порывается отбивать такт. Опустив ее, он стиснул челюсти и сидел, уставившись себе под ноги, до тех пор пока не стихла музыка.

Джек сполна оценил величественный финал, признав, что тот далеко превзошел незатейливое взвинчивание темы, которого он ожидал, но полного удовольствия уже не получил. Под аплодисменты и общий шум сосед, в свою очередь, смотрел на него не столько с вызовом, сколько с искренним неодобрением. Они не разговаривали, оба сидели так, словно каждый проглотил кол, неприязненно ощущая присутствие друг друга, в то время как миссис Харт, жена коменданта, исполняла на арфе продолжительную и технически весьма каверзную пьесу. Джек Обри посмотрел в высокие, элегантные окна: на зюйд-зюйд-осте огненной точкой в небе Менорки⁶ всходил Сатурн. Кстати, толчок в бок был так резок, что больше походил на удар, да еще намеренный. Ни темперамент молодого моряка, ни кодекс офицерской чести не позволяли молча проглотить обиду. А удар это уже не обида, а оскорбление.

Поскольку моряк слишком долго мешкал, гнев стал испаряться и превратился в меланхолию: Джек поневоле стал размышлять о том, что не имеет своего корабля, об обещаниях, данных ему прямо или косвенно – и нарушенных; о многих планах, которые оставались лишь мечтами. Призовому агенту, своему деловому посреднику, он задолжал сто двадцать фунтов, а вскоре предстояло платить пятнадцать процентов от этой суммы. Жалованье же его составляло всего пять фунтов двенадцать шиллингов в месяц. Некстати вспомнились иные приятели и сослуживцы. Будучи моложе Джека, они оказались удачливее и обогнали его. В лейтенантских чинах они уже командовали бригами и тендерами, а некоторые даже получили временное звание капитана и ждали его подтверждения. Причем все они захватывали трабакало в Адриатике, тартаны в Лионском заливе, шебеки и сетти⁷ по всему побережью Испании. Слава, продвижение по службе, призовые деньги.

Услышав бурю оваций, Джек очнулся, принялся ожесточенно хлопать в ладоши, придав лицу восторженное выражение. Молли Харт сделала книксен и улыбнулась; поймав его взгляд, улыбнулась снова. Он принялся аплодировать еще громче, но она как-то почувствовала, что он или не удовлетворен концертом, или отчего-то был невнимателен, и ее радость заметно уменьшилась. Однако исполнительница продолжала благодарить слушателей сияющей улыбкой. В бледно-голубом атласном платье, с двумя нитками жемчуга – жемчуга с корабля «Святая Бригитта» – она выглядела неотразимо.

Джек Обри и его сосед в порыжелом черном сюртуке поднялись одновременно и переглянулись. Джек с выражением холодной неприязни – остатки нарочитого восторга, исчезая, делали его особенно жестким – негромко произнес:

– Мое имя Обри, сэр. Меня можно найти в гостинице «Корона».

– А мое, сэр, Мэтьюрин. Каждое утро я бываю в кофейне Хоселито. Не изволите ли отодвинуться?

У Джека вдруг возникло нестерпимое желание схватить свое хрупкое золоченое кресло и разбить его о голову этого заморыша, однако он сдержался и даже принял довольно учтивый вид. У него не было иного выбора, поскольку поневоле приходилось соблюдать правила хоро-

⁶ Менорка – самый восточный из Балеарских островов, расположенных у побережья Испании.

⁷ Различные типы небольших торговых судов Средиземноморья, отличавшихся друг от друга конструкцией корпуса и парусным вооружением.

шего тона. И вскоре ему уже пришлось протискиваться сквозь плотную толпу синих и алых мундиров, среди которых иногда попадались черные сюртуки штатских. Добравшись до тройного кольца, окружавшего миссис Харт, он через головы почитателей воскликнул: «Очаровательно, великолепно, превосходно исполнено!», помахал ей рукой и вышел из салона. Проходя по холлу, Джек обменялся приветствиями с двумя морскими офицерами. Один из них был его прежним сослуживцем, с которым они сживали в кают-компании «Агамемнона». Тот заметил:

– У тебя какой-то очень недовольный вид, Джек.

Второй, высокий мичман, прямой как палка от такого скопления высоких чинов и собственной накрахмаленной сорочки с оборками, когда-то был младшим офицером его вахты в пору службы Джека на «Тандерере». Наконец, Джек поклонился секретарю коменданта, который ответил улыбкой, поднятыми бровями и многозначительным взглядом.

«Интересно, что за делишки обдeldывает сейчас эта ракаль?» – подумал Джек, направляясь к гавани. Ему вспомнились двуличие секретаря и его собственное недостойное заискивание перед этой, увы, влиятельной персоной. Обри был почти обещан великолепный, хотя и малотоннажный, недавно обшитый медью, только что захваченный французский капер⁸. Но тут нагрянул с Гибралтара брат секретаря, и капер, ясное дело, достался ему. «Поцелуй меня в задницу!» – громко произнес Джек, зло вспомнив, с какой покорностью он встретил это известие наряду с очередными признаниями секретаря в его добром к нему отношении и туманными обещаниями будущих благ. Затем припомнил собственное поведение в нынешний вечер, в особенности то, как он уступил дорогу этому недомерку в сюртуке, не сумев достойно ответить, не найдя подходящих слов, которые были бы одновременно и учтивы, и убийственны. Он был чрезвычайно недоволен самим собой, заносчивым штатским и всем военным флотом в придачу. Не радовали его ни бархатная нежность апрельского вечера, ни хор соловьев в апельсиновой роще, ни грозди звезд, до которых, казалось, можно было дотянуться рукой.

Гостиница «Корона», в которой остановился Джек, несколько напоминала знаменитое заведение с тем же названием в Портсмуте: та же заметная издали надпись киноварью на золоченой вывеске над входом – память о первом британском пришествии. Здание было построено около 1750 года в чисто английском стиле, без всякой оглядки на средиземноморскую архитектуру, за исключением черепичной крыши. Но на этом сходство заканчивалось. Хозяин гостиницы был с Гибралтара, obsлyга – жители Испании, вернее, Менорки. Здесь царили запахи оливкового масла, сардин и вина, но не было никакой надежды получить бейкуэльский торт, кекс из Экклза или хотя бы приличный пудинг. Зато ни в одной английской гостинице вы не встретили бы горничную, так похожую на смуглый персик, как Мерседес. Резвой походкой она выбежала на тускло освещенную лестницу и, полная жизни и света, глядя наверх, воскликнула:

– Письмо, тененте⁹. Я приносить его...

В следующее мгновение она была рядом с Джеком, улыбаясь с невинным восторгом. Он хорошо представлял себе важность адресованного ему письма, но все же ответил с заученной игривостью, слегка похлопав девушку по мягкому месту.

– И к вам приходит капитан Аллен, – добавила она.

– Аллен? Аллен? На кой черт я ему понадобился?

Капитан Аллен был спокойный, пожилой господин. Единственное, что Джеку было известно о нем, это то, что он американский роялист и считается весьма упертым в своих взглядах. Он мог в любую минуту увалить под ветер и носил длинный жилет.

– Наверно, насчет похорон, – произнес Обри. – Деньги по подписке собирает.

⁸ Каперское судно, которое с разрешения верховной власти снаряжает за свой счет частное лицо (капер) с целью захвата купеческих кораблей неприятеля. См. далее «Словарь морских терминов», помещенный в конце книги.

⁹ Тененте – *исп.* *teniente*: лейтенант.

– Плохие новости, тененте? – спросила Мерседес, выйдя в коридор. – Бедный тененте.

Взяв со стола свечу, Джек направился в свой номер. Он не стал вскрывать письмо до тех пор, пока не скинул мундир и не развязал шарф. Затем с опаской посмотрел на адрес. Он заметил, что надпись сделана незнакомым почерком и адресована не лейтенанту, а капитану королевского флота Обри. Нахмурившись, он процедил: «Дурень несчастный» – и перевернул конверт. Черная печать расплылась, поэтому когда он стал нагревать ее на огне свечи, то никак не мог удалить сургуч.

– Ничего не получается, – произнес он. – Во всяком случае, это не старина Ханкс. Тот всегда запечатывает письмо облаткой. – Ханкс был его агентом, кредитором и мучителем.

Наконец-то ему удалось распечатать пакет. Письмо гласило:

«От почтенного лорда Кейта, рыцаря Ордена Бани, Адмирала синего вымпела и Верховного Главнокомандующего судов и кораблей Его Величества, как используемых, так и тех, что будут использоваться на Средиземном море и т. д. и т. п.

В связи с тем что капитан Сэмюэл Аллен, командир шлюпа Его Величества „Софи“, переводится на „Паллас“ по причине кончины капитана Джеймса Брэдби, настоящим вам надлежит проследовать на борт „Софи“ и принять на себя обязанности по командованию ею, требуя от всех офицеров и экипажа указанного шлюпа выполнять свои обязанности со всем послушанием и почтением к вам, как их командиру; вам также надлежит исполнять опубликованные регламенты, а также приказы и указания, которые вы можете время от времени получать от любого из ваших начальников, состоящих на службе Его Величества. Отсюда следует, что ни вы, ни кто-либо из ваших подчиненных не вправе уклониться от своих обязанностей под страхом наказания.

Сей приказ исполнить без промедления.

Дан на борту „Фудруаяна“

в открытом море, 1 апреля 1800 года».

«Джону Обри, эсквайру,

настоящим назначенному командиром

шлюпа Его Величества „Софи“

согласно распоряжению адмирала Томаса Уокера»

Джек Обри еще раз пробежал письмо, однако вначале никак не мог поверить своим глазам – лицо его покраснело и приняло крайне жесткое, суровое выражение. Он заставил себя прочитать приказ вслух строчка за строчкой. Второй раз он читал гораздо быстрее, и только тогда его охватила шедшая из глубины сердца безмерная радость. Лицо молодого моряка покраснелось еще больше и расплылось в непроизвольной улыбке. Джек громко хохотнул и похлопал письмом по столу, затем сложил его, вновь развернул и перечитал с величайшим вниманием, совершенно забыв о смысле среднего абзаца. Его формулировка на долю секунды обдала Джека холодом, ему показалось, что вот-вот рухнет блистательный новый мир, внезапно открывшийся перед ним: он увидел злополучную дату. Обри поднес письмо к свету и разглядел надежный, утешительный и незыблемый, как скала Гибралтара, водяной знак Адмиралтейства – неизменно внушающий к себе уважение якорь надежды.

Джек не находил себе места. Торопливо расхаживая по комнате, он надел мундир, затем снял, пробормотав при этом со смешком несколько бессвязных фраз:

– А я-то беспокоился... ха-ха, такой славный маленький кораблик – знаю его, отлично знаю... Я считал бы себя счастливейшим из смертных, получив под свое командование какое-нибудь захудалое суденышко, да хоть тот же «Валчер»... словом, любую посудину... А тут

великолепное судно, обшитое медью, – чуть ли не единственный квартердечный бриг, то бишь шлюп, в списках действующего флота. Несомненно, чудесная капитанская каюта... а погода-то какая – такая теплынь... ха-ха... Только бы набрать команду – это самое важное дело.

Джек Обри почувствовал острый голод и жажду – он бросился к колокольчику и принялся дергать за веревку. Но не успели замереть его звуки, как Джек высунул голову в коридор и принялся звать горничную:

– Мерседес! Мерседес! Ах вот ты где, дорогуша! Что ты сможешь принести мне поесть – *manger, mangiare*¹⁰? Мясо? Холодное мясо? И бутылку вина, *vin*o – две бутылки *vin*o. И еще, Мерседес, не придешь ли ко мне и не сделаешь ли кое-что для меня? Я хочу, *desirer*¹¹, чтобы ты кое-что сделала для меня, хорошо? Пришей мне, *cosare*¹², пуговицу.

– Хорошо, тененте, – ответила Мерседес, при свете свечи сверкая белками глаз и зубами.

– Уже не тененте, – воскликнул Джек, стиснув ее пухлую, крепкую фигурку. – Капитан! *Capitano*, ха-ха-ха!

Утром Джек вынырнул из глубокого-глубокого сна; не успев открыть глаза, он ощутил, как его всего распирает от радости, и лишь потом полностью проснулся.

– Конечно, судно не первоклассное, – заметил он, – но кому нужно первоклассное судно, у которого нет ни малейших шансов на самостоятельное плавание? Где оно находится? За артиллерийским причалом, рядом с «Рэттлером». Сейчас же отправлюсь туда, не теряя ни минуты, взгляну на судно. Хотя нет. Надо заранее предупредить о своем приходе. Нет, не так. Прежде всего надо поблагодарить кого следует, а потом договориться о встрече с Алленом. Милый старый Аллен, надо пожелать ему семь футов под килем.

Первым делом Джек Обри перешел через дорогу и заглянул в лавку военной галантереи. Там, используя обширный кредит, он приобрел благородного вида, солидный, массивный эполет – символ его нынешнего чина. Торговец тотчас укрепил знак отличия у него на левом плече. Оба с удовлетворением рассматривали эполет в зеркало, и у торговца, выглядивавшего из-за плеча Джека, на лице появилось выражение неподдельного удовольствия.

Едва успев закрыть за собой дверь лавки, на противоположной стороне улицы, рядом с кофейней, Джек заметил давешнего господина в черном сюртуке. Ему тотчас вспомнились события вечера, и он поспешно направился к нему со словами:

– Мистер... Мистер Мэтьюрин. Это вы, сэр. Тысяча извинений. Вчера вечером я вел себя с вами слишком грубо. Надеюсь, вы простите меня. Нам, морякам, так редко приходится слушать музыку и вращаться в светских кругах, что нас иногда заносит. Прошу прощения.

– Любезный мой сударь, – воскликнул господин в сюртуке, и его мертвенно-бледное лицо тотчас залилось странным румянцем. – Были все причины для того, чтобы вас, как вы выражаетесь, занесло. Я в жизни не слышал лучшего исполнения – такая гармония, такой огонь! Не позволите угостить вас чашкой шоколада или кофе? Это доставило бы мне большое удовольствие.

– Вы очень добры, сэр. Мне бы это не помешало. Сказать по правде, я так торопился, что забыл позавтракать. – И добавил без всякой связи, с блуждающей улыбкой: – Я только что получил повышение.

– Да неужто? От всей души поздравляю вас. Прошу, входите.

При виде мистера Мэтьюрина официант покачал пальцем. Мэтьюрин пожал плечами и обратился к Джеку Обри:

¹⁰ Есть (*фр., исп.*).

¹¹ Желать (*фр.*).

¹² Пришивать (*исп.*).

– В эти дни почта удивительно задерживается. – Затем на каталанском наречии, на котором разговаривали жители острова, сказал: – Принеси-ка нам кофейник хорошенько взбитого шоколада, Джек, и сливок.

– Вы говорите по-испански, сэр? – произнес Джек Обри, усаживаясь и широким жестом раскидывая фалды своего мундира, чтобы освободить шпагу, отчего, казалось, вся зала на миг окрасилась в голубой цвет. – Говорить по-испански – это, должно быть, великолепно. Я часто пытался изучать его, а также французский и итальянский, но у меня ничего не получается. Меня обычно понимают, но когда говорят они, то говорят так быстро, что это сбивает меня с толку. Думаю, все дело вот в этом, – заметил молодой офицер, постучав себя по лбу. – То же было у меня с латынью в детстве. Ох, и порол же меня старый язычник! – Джек рассмеялся при этом воспоминании так заразительно, что его примеру последовал официант, который проговорил:

– А какой денек-то выдался, господин капитан!

– Чудесный день, – согласился Джек, доброжелательно взглянув на его крысоподобную физиономию. – В самом деле, *bello soleil*¹³. Только, – добавил молодой моряк, выглянув в окно, – я ничуть не удивлюсь, если вскоре задует трамонтана – ветер с гор. – Повернувшись к мистеру Мэтьюрину, он продолжил: – Как только я встал с постели нынче утром, я заметил зеленоватый оттенок неба на норд-норд-осте и сказал себе: «Как только стихнет бриз, я ничуть не удивлюсь, если его сменит трамонтана».

– Удивительно, что вы находите трудными иностранные языки, сударь, – произнес мистер Мэтьюрин, который в погоде не разбирался. – Мне кажется, что человек с хорошим музыкальным слухом должен легко запоминать услышанное. Эти качества неразделимы.

– Думаю, с философской точки зрения вы правы, – отвечал Джек Обри. – Но что есть, то есть. Кроме того, вполне возможно, что мой музыкальный слух не идеален, хотя я действительно обожаю музыку. Одному небу известно, как трудно мне взять верную ноту в середине пьесы.

– Вы играете, сударь?

– Пиликаю понемножку, сэр. Время от времени терзаю скрипку.

– Я тоже! Тоже! Как только выдается свободное время, я тотчас возобновляю свои опыты с виолончелью.

– Благородный инструмент, – заметил капитан, и оба заговорили о Боккерини, смычках, канифоли, переписчиках нот, уходе за струнами, довольные обществом друг друга, пока не пробили уродливые часы с маятником в виде лиры.

Допив чашку, Джек Обри отодвинул стул:

– Уверен, вы меня простите. Мне нужно нанести целый ряд официальных визитов и встретиться со своим предшественником. Но я надеюсь, что смогу получить удовольствие – большое удовольствие, – пригласив вас на обед, дайте же слово, что не откажетесь!

– Буду весьма признателен, – произнес Мэтьюрин с поклоном. Оба оказались у двери.

– Тогда в «Короне» в три пополудни? – предложил Джек. – На службе мы не развлекаемся, и, если я буду голоден и зол, вы, уверен, простите меня. Заодно «обмоем швабру», а когда она достаточно намокнет, может, немного помузицируем, если не возражаете.

– Видели того удода? – воскликнул господин в черном сюртуке.

– А что это такое – удода? – спросил Джек, оглядываясь.

– Птица. Вон та желтовато-коричневая птица с полосатыми крыльями. Урира ерорс. Вон! Вон она, на крыше. Вон! Вон!

– Где? Какая еще упупа? И что вы в ней нашли?

¹³ Яркое солнце (*исп., фр.*).

– Улетела. Я надеялся увидеть ее с самого приезда. И где – посреди города! Счастлив Магон, если в нем водятся такие птицы. Прошу извинить меня. Вы завели речь о какой-то мокрой швабре?

– Ах, да. Флотский жаргон! «Швабра» – вот эта штуковина, – указал он на эполет. – И когда мы ее получаем, то мы ее «спрыскиваем», то есть выпиваем бутылку или две вина.

– Ах вот как! – произнес Мэтьюрин, вежливо наклонив голову. – Украшение, знак отличия, я правильно понял? Очень нарядная вещица, клянусь спасением души. Но, сударь, а вы не забыли надеть вторую?

– Что же, – засмеялся Джек. – Надеюсь, когда-нибудь надену оба эполета. А пока желаю вам удачного дня и благодарю за превосходный шоколад. Я рад, что вы наконец увидели своего упупа.

Прежде всего Джек должен был нанести визит своему непосредственному начальнику, морскому коменданту Магона. Капитан Харт занимал несколько комнат в дальнем конце патио большого аляповатого особняка, принадлежащего некоему Мартинесу, испанскому негодянту. Пересекая патио, Джек услышал звуки арфы, приглушенные ставнями, которые были закрыты, чтобы защитить обитателей дома от слепящего солнца. Оно быстро всходило, и по залитым солнечными лучами стенам уже торопливо карабкались ящерицы.

Капитан Харт был мал ростом и слегка походил на лорда Сент-Винсента. Чтобы усилить это сходство, он горбился и был очень груб с подчиненными, как это принято у вигов. То ли он недолюбливал Джека Обри потому, что тот был высокий, а сам он коротышка, то ли потому, что подозревал молодого моряка в шашнях со своей женой, – это не имело значения, в любом случае между ними давно существовала неприязнь. Он встретил Джека следующими словами:

– Послушайте, мистер Обри, где вы шляетесь? Я ждал вас вчера пополудни, да и Аллен ждал вас вчера. Я удивился, узнав, что Аллен вас так и не встретил. Разумеется, я желаю вам удачи, – продолжал он насупясь, – но, клянусь, у вас странное представление о том, как следует принимать на себя командование. Аллен, должно быть, милях в двадцати отсюда, а с ним и лучшая часть экипажа «Софи». Что касается всех бумаг, расписок, реестров и всего прочего, то нам пришлось самим разбираться с ними. Весьма небрежно с вашей стороны.

– Так «Паллас» отплыл, сэр? – ужаснувшись, воскликнул Джек Обри.

– В полночь, сэр, – с удовлетворением уточнил капитан Харт. – Тяготы службы несовместимы с удовольствиями, мистер Обри. Я был вынужден лично составить счет на уплату портовых сборов.

– Я получил известие о моем назначении только вчера вечером. По существу, сегодня между часом и двумя ночи.

– Неужели? Вы меня удивляете. Я поражен. Пакет наверняка был отправлен вовремя. Несомненно, виновата прислуга вашей гостиницы. Не на всякого иностранца можно положиться. Желаю вам успешной службы. Только должен признаться, не представляю себе, как вы сможете вывести судно из гавани без экипажа. Аллен захватил с собой помощника, судового лекаря и всех толковых мичманов. Я же не могу выделить вам ни одной живой души.

– Что же, сэр, – отвечал Джек. – Думаю, мне придется довольствоваться тем, чем располагаю.

Разумеется, всех можно понять: любой офицер, получи он такую возможность, охотно перебрался бы с тихоходного старого брига на удачливый фрегат вроде «Палласа». По давней традиции, любой капитан, переходящий на другое судно, непременно брал с собой рулевого и преданных ему людей. А дай капитанам волю, они сманивали бы за собой всю команду.

– Могу предоставить вам судового священника, – произнес комендант, беря и без того большую рану в душе Джека.

– А что, капеллан может работать на палубе, брать рифы и стоять на руле? – отозвался Обри, решив не показывать вида, что раздосадован. – Если нет, то я, пожалуй, откажусь от его услуг.

– Тогда всего хорошего, мистер Обри. Пополудни я пришлю вам распоряжения.

– Всего хорошего, сэр. Надеюсь, миссис Харт дома. Я должен выразить ей мое почтение и поздравить ее. И непременно поблагодарить за то наслаждение, которое она доставила нам вчера вечером.

– Так вы были в резиденции губернатора? – спросил капитан Харт, хотя прекрасно знал об этом, строя козни с якобы запоздавшим приказом. – Если бы вы не интересовались кошачьими концертами, то, возможно, находились бы на борту собственного брига, как и подобает моряку. Пусть разразит меня Господь, но разве это дело, когда молодой офицер предпочитает итальянских скрипачей и евнухов шканцам своего первого корабля?

Джек пересекал патио, спеша к миссис Харт. Солнце, казалось, светило не так ярко, но припекало все сильнее. Он взбежал по ступеням, ощущая непривычную, но приятную тяжесть на левом плече. У комендантши он повстречал незнакомого лейтенанта и надутого мичмана, которого видел вчера: в Магоне было заведено наносить утренний визит миссис Харт. Она, очень нарядная, сидела за арфой, но, когда вошел Джек Обри, оставила инструмент, протянула ему обе руки и воскликнула:

– Капитан Обри, как я рада видеть вас! Тысячу поздравлений. Входите же, мы непременно должны sprysnutь вашу капитанскую «швабру». Мистер Паркер, прошу вас, позвоните в колокольчик.

– Желаю вам удачи, сэр, – произнес лейтенант, созерцая эполет, о котором сам так мечтал.

Отиравшийся тут же мичман не знал, смеет ли он раскрывать рот в присутствии столь блестящего общества, и, когда миссис Харт стала представлять друг другу своих гостей, он неуверенно прогрохотал: «Желаю удачи, сэр!» – и покраснел.

– Мистер Степлтон, третий офицер «Гериррьера», – взмахнув рукой, произнесла миссис Харт. – А это мистер Бернет. Он с «Изиды». Кармен, принеси нам мадеры.

Хозяйка была славная, энергичная женщина, и, хотя ее нельзя было назвать ни красавицей, ни хорошенькой, она умела произвести впечатление, главным образом благодаря великолепной посадке головы. Она презирала это ничтожество – мужа, который раболепствовал перед ней. Миссис Харт увлекалась музыкой, это скрашивало нерадостную семейную жизнь. Однако было похоже, что одной музыки ей недостаточно, – судя по тому, как привычно она наполнила бокал и осушила его.

Немного погодя мистер Степлтон распрощался, а затем, насладившись минут за пять великолепной погодой, не слишком жаркой для полудня благодаря свежему северному ветру, впрочем полезному для здоровья, – ведь здесь уже наступило лето, а оно предпочтительней холодного и дождливого апреля в Англии, – миссис Харт проговорила:

– Мистер Бернет, могу ли я вас просить об одном одолжении? Я оставила свой ридикюль в губернаторском особняке.

– Как восхитительно вы играли, Молли, – произнес Джек, когда дверь закрылась.

– Джек, как я счастлива, что у вас наконец-то свой корабль.

– Я тоже. Пожалуй, еще никогда в жизни я не чувствовал себя более счастливым. Еще вчера я был настолько раздражен, у меня было такое мрачное настроение, что я готов был повеситься, а когда пришел в гостиницу, то обнаружил вот эту депешу. Разве она не стоит всех сокровищ мира? – Оба принялись читать ее в почтительном молчании.

– «...Ни вы, ни кто-либо из ваших подчиненных не вправе уклониться от своих обязанностей под страхом наказания», – прочла вслух миссис Харт. – Джек, прошу вас, умоляю, не

пытаться захватывать нейтральные суда. Тот барк с Рагузы, который прислал бедняга Уилби, не конфискован, и его владельцы намерены подать на него в суд.

– Не тревожьтесь, милая Молли, – отозвался молодой офицер. – Я еще не скоро смогу захватывать какие бы то ни было суда, уверяю вас. Пакет прибыл с задержкой – подозрительной задержкой, черт бы ее побрал, – и Аллен ушел в море, забрав лучших матросов. Ему так срочно приказали отплывать, что я не смог с ним встретиться. И еще комендант подлил масла в огонь, используя остальных людей для портовых работ. Не осталось ни одного свободного человека. Похоже, что нам из гавани не выйти. Полагаю, нам придется долго прозябать на берегу, прежде чем мы учуем хотя бы запах приза¹⁴.

– Даже так? – покраснев, воскликнула миссис Харт.

В этот момент вошли леди Уоррен и ее брат, капитан морской пехоты.

– Дражайшая Анна, – взволнованно проговорила Молли Харт, – подойди же ко мне и помоги исправить возмутительную несправедливость. Это капитан Обри – вы знакомы?

– К вашим услугам, мадам, – проговорил Джек, очень почтительно поклонившись: ведь перед ним была адмиральская супруга.

– Весьма храбрый и достойный офицер, тори до мозга костей, сын генерала Обри, и представьте, с ним обходятся самым отвратительным образом...

Пока Джек Обри находился в доме коменданта, жара усилилась, и, когда он вышел на улицу, воздух, пахнувший ему в лицо, был так горяч, словно превратился в жидкую лаву. Однако душно от него не было, он будто источал какое-то сияние, облегчавшее зной. Повернув пару раз, молодой офицер добрался до усаженной деревьями улицы, соединявшейся с дорогой на Сьюдадела, которая спускалась к площади, вернее, террасе, возвышавшейся над гаванью. Он перешел на тенистую сторону площади, где английские дома с подъемными рамами, полуциркульными окнами над входами и булыжными внешними дворами мирно соседствовали с иезуитским храмом в стиле барокко и угрюмыми испанскими особняками, над парадными дверями которых красовались внушительные гербы.

По противоположной стороне шла пестрая компания матросов. На одних были полосатые, на других – обычные парусиновые штаны; некоторые щеголяли в нарядных алых жилетах, иные остались в форменных синих куртках. У кого-то, несмотря на жару, на голове были матерчатые шапки, многие предпочитали широкополые соломенные шляпы или платки. Но у всех – длинные косички и та особая стать, которая сразу выдавала в них военных моряков. Они были с «Беллерофона», и Джек жадно смотрел на них, проходивших со смехом мимо и что-то негромко кричавших своим друзьям – англичанам и испанцам. Он приближался к площади и сквозь молодую листву мог видеть на противоположной стороне гавани бом-брам-стенги и брам-стенги «Женерё», на которых сушились поблескивавшие паруса. Оживленная улица, зелень, голубое небо – этого было достаточно для того, чтобы у любого затрепетало жаворонком сердце, и Джек был готов воспарить душою, но лишь примерно на три четверти. Оставшаяся на земле четверть была озадачена подбором экипажа. Головная боль, связанная с набором команды, была знакома ему с самого начала службы на военном флоте. Недаром первое серьезное ранение он получил от одной женщины в Диле, огревшей его утюгом: она считала, что ее мужа не стоит подбивать служить на флоте. Но он не ожидал столкнуться с теми же трудностями в самом начале своей капитанской карьеры, не думал, что ему будут строить такие козни, да еще здесь, в Средиземноморье.

Теперь он оказался на площади, украшенной деревьями благородных пород и двумя винтовыми лестницами, спускающимися к причалам, – еще добрую сотню лет назад британские моряки окрестили их «Поросычьими хвостиками» – тут было без счету сломано рук, ног и разбито голов. Он подошел к невысокому парапету, соединявшему верхние площадки лестниц,

¹⁴ Приз – захваченное торговое судно противника, иногда – под нейтральным флагом.

и стал разглядывать огромное замкнутое водное пространство, слева простиравшееся до видневшейся вдали высшей точки гавани, а справа – до госпитального острова и находящегося в нескольких милях узкого входа в нее, защищенного крепостью. Слева от Джека виднелись торговые суда: десятки и даже сотни фелюк, тартан, шебек, пинк, полакров, полакров-сетти, houarios и барок-лонга – словом, все типы средиземноморских судов и множество других, пришедших из северных морей, – боты для ловли трески, кэты, «сельдяной» флот. Впереди и справа от него стояли военные суда: два семидесятичетырехпушечных линейных корабля; изящный двадцативосьмипушечный фрегат «Ниоба», экипаж которого наносил ярко-красную полосу вдоль борта пониже линии, испещренной пушечными портами. Стройный транец делал фрегат похожим на испанские корабли, которыми так восхищался его командир. Там же стояли транспортные и другие вспомогательные суда, а между ними и лестницами, которые вели на набережную, сновала взад-вперед всевозможная посыльная мелочь – баркасы, катера, спущенные с линейных кораблей, тендеры, йолы, гички и даже еле ползущая судовая шлюпка с бомбометного кеча «Тартарус», осевшая под тяжестью призовых денег так, что до воды оставалось каких-то три дюйма. Еще правее великолепная линия набережной загибалась в сторону эллинга, артиллерийских и продовольственных причалов. Далее был карантинный остров, скрывающий множество других судов. Джек напряг зрение и уперся ногой о парапет в надежде хоть краешком глаза увидеть свою новую отраду, но напрасно. Он неохотно повернул налево, где находилась контора мистера Уильямса. Мистер Уильямс был местным представителем гибралтарского призового агента Джека, его контора размещалась в солидном здании фирмы «Джонстон и Грейам». Именно эта контора являлась следующим и весьма необходимым портом захода. Помимо того что Джек ясно понимал, насколько глупо носить золото на плече и не иметь его в кармане, он остро нуждался в наличных для целого ряда серьезных и неизбежных расходов на разные подношения, взятки и прочее, чего нельзя было получить в кредит.

Он вошел с крайне уверенным видом, словно только что лично одержал победу в битве на Ниле. Приняли его радушно, и после того, как с делами было покончено, агент спросил:

– Полагаю, вы виделись с мистером Болдиком?

– Лейтенантом с «Софи»?

– Именно.

– Но он же отплыл с капитаном Алленом, он на борту «Палласа».

– Тут вы, сэр, некоторым образом ошибаетесь, если можно так выразиться. Он в госпитале.

– Вы меня удивляете.

Агент улыбнулся и, пожав плечами, укоризненно развел руки: он говорит правду, а Джек вздумал удивляться. Однако агент доказал свою осведомленность.

– Он сошел на берег накануне под вечер, и его отправили в госпиталь с легкой лихорадкой. Небольшой госпиталь за монастырем капуцинов, а не тот, что на острове. Сказать по правде... – Тут агент прикрыл ладонью рот и вполголоса продолжал: – Он и судовой врач «Софи» не переваривают друг друга, и перспектива оказаться в руках враждебно настроенного эскулапа во время плавания ничуть не устраивала мистера Болдика. Несомненно, как только он поправится, то присоединится к ним в Гибралтаре. А теперь, капитан, – продолжал агент, натянуто улыбаясь и пряча глаза, – смею обратиться к вам с просьбой, если позволите. У миссис Уильямс есть молодой кузен, который страсть как хочет плавать. Впоследствии он намерен стать казначеем. Мальчик он сообразительный, и у него превосходный, четкий почерк. Он работает у нас в конторе с Рождества, и я убедился, что он хорошо считает. Поэтому, сударь, если у вас нет никого на примете на должность писаря, то вы бесконечно меня обяжете... – Улыбка на устах агента то появлялась, то гасла: он не привык кого-то упрашивать, тем более морских офицеров, и чувствовал себя крайне неловко, боясь отказа.

– Признаться, – поразмыслив, произнес Джек, – на примете у меня никого нет. Разумеется, вы за него отвечаете? Тогда я вот что вам скажу, мистер Уильямс. Если вы найдете мне толкового моряка, то я возьму вашего мальчика.

– Вы это серьезно, сэр?

– Да... пожалуй, что да. Ну конечно да!

– Тогда по рукам, – отозвался агент, протягивая ладонь. – Вы не пожалеете, сэр, даю слово.

– Я в этом уверен, мистер Уильямс. Хотелось бы взглянуть на него.

Дэвид Ричардс оказался обыкновенным, бесцветным юношей. Бесцветным в буквальном смысле, не считая нескольких лиловых прыщей на лице. Но было что-то трогательное в его сдерживаемом волнении и отчаянном желании угодить. Ласково посмотрев на него, Джек Обри проговорил:

– По словам мистера Уильямса, у вас хороший и четкий почерк, сэр. Вы не смогли бы написать для меня записку? Она предназначена штурману «Софи». Как его звать, мистер Уильямс?

– Маршалл, сэр. Уильям Маршалл. Я слышал, что он превосходный штурман.

– Тем лучше, – отозвался Джек, вспомнив собственные сражения с хитроумными штурманскими таблицами и странные результаты, которые он при этом получал. – Итак, «мистеру Уильяму Маршаллу, штурману шлюпа Его Величества „Софи“. Капитан Обри шлет наилучшие пожелания мистеру Маршаллу и желает подняться на борт судна около часа пополудни». Ну вот, это будет надлежащим предупреждением. Очень красиво написано. Вы позаботитесь, чтобы записка попала к нему?

– Я сам отнесу ее сию же минуту, сэр, – воскликнул юноша, покрываясь от счастья багровыми пятнами.

«О господи, – произнес про себя Джек, направляясь к госпиталю и разглядывая открытую, голую береговую местность. – Господи, какое это удовольствие – хоть иногда изображать из себя вершителя судеб».

– Мистер Болдик? – произнес он. – Меня зовут Обри. Поскольку мы с вами вместе плавали, я зашел, чтобы справиться о вашем здоровье. Надеюсь, вы идете на поправку, сэр?

– Очень любезно с вашей стороны, сэр, – воскликнул лейтенант, лет пятидесяти, с багровым лицом, заросшим серебристой щетиной, хотя его волосы не были тронуты сединой. – Более чем любезно. Спасибо, спасибо, капитан. Чувствую себя гораздо лучше, рад заявить, особенно после того, как вырвался из когтей этого проклятого коновала. Вы поверите, сэр? Тридцать семь лет на службе, и двадцать девять из них на флоте, а меня поят водичкой и держат на диете. Говорят, будто порошки и капли Уорда ни на что не годятся. А во время прошлой войны они сохранили мне жизнь в Вест-Индии, когда за десять дней от желтой лихорадки мы потеряли две трети вахты левого борта. Они меня спасли, сэр, от этой напасти, не говоря о цинге, ишиасе, ревматизме и кровавом поносе. А нам твердят, будто от них нет никакой пользы. Что ж, они могут говорить все, что им заблагорассудится, эти молодые выскочки, у которых на дипломах еще чернила не обсохли, но лично я верю в капли Уорда.

«И в „святую воду“», – про себя добавил Джек, почувствовав стойкий запах спирта.

– Итак, «Софи» осталась без лекаря, – проговорил он вслух, – и более полезных членов экипажа?

– Что до лекаря, это потеря небольшая, заверяю вас, сэр. Хотя команда считала его большим знатоком своего дела, чуть не молилась на него и на его снадобья. Дурни несчастные. Они страшно переживали, когда он уплыл. Кем вы его замените в Средиземном море, я не знаю: такие птицы редко встречаются. Но, что бы ни говорили, потеря невелика. Ящик капель Уорда вполне заменит его, будет даже полезней. А для ампутаций сойдет и плотник. Позвольте предложить вам стаканчик, сэр?

Джек помотал головой.

– Что касается остального, – продолжал лейтенант, – то «Паллас» почти что укомплектован экипажем. Капитан Аллан захватил с собой лишь племянника, сына своего приятеля и других американцев, не считая рулевого и стюарда. И еще письмоводителя.

– И много американцев было на шлюпе?

– Да нет, не больше полудюжины. Все – его земляки, откуда-то из-под Галифакса.

– Это уже легче, клянусь честью. А мне сказали, будто шлюп остался без экипажа.

– Кто это вам ляпнул такое, сэр?

– Капитан Харт.

Мистер Болдик фыркнул и сжал губы. Помолчав, он отхлебнул из своей кружки, затем произнес:

– Я встречался с ним время от времени в течение тридцати лет. Очень он любит разыгрывать людей.

Пока оба обсуждали весьма странное чувство юмора капитана Харта, мистер Болдик мало-помалу опустошил свою кружку.

– Нет, – произнес он, поставив кружку на стол, – мы оставили вам, можно сказать, вполне приличную команду. Десятка два, а то и четыре отборных матросов, добрая половина из них – настоящие военные моряки, таких еще поискать надо в экипажах нынешних линейных кораблей. Что до второй половины, то есть непросыхающих пьянчуг, то где их нет? Кстати, капитан Аллан оставил вам распоряжение насчет одного из них – Айзека Уилсона, матроса второго класса. Но, во всяком случае, среди команды нет любителей качать права, будь они неладны. Зато у вас есть бывалые офицеры, в большинстве настоящие морские волки. Уотт, боцман, знает свое дело не хуже любого на флоте. Лэмб, плотник, славный, надежный малый, правда, немного неповоротливый и робкий. Джордж Дей, старший канонир, малый что надо, когда трезвый, но есть у него дурацкая привычка напиваться. Риккетс, казначей, – для казначея человек вполне приличный. На помощников капитана, Пуллингса и молодого Моуэта, можно положиться в любую минуту. Пуллингс несколько лет назад сдавал экзамен на лейтенантский чин, но звания так и не получил. Что касается молодняка, то мы вам оставили только двоих – сына Риккетса и Бабингтона. Парни глупые, но не мерзавцы.

– А как насчет штурмана? Я слышал, что он большой знаток своего дела.

– Маршалл-то? Так оно и есть. – И снова мистер Болдик фыркнул, сжав губы. К этому времени он успел выпить еще одну кружку грога и сказал без обиняков: – Не знаю, что вы думаете насчет тех, кто пускает слюни при виде матросской задницы, но я лично считаю, что занятие это неестественное.

– Что ж, в том, что вы сказали, есть смысл, мистер Болдик, – отозвался Джек Обри. Затем, чувствуя, что надо высказаться определеннее, он добавил: – Я не люблю эту братию. Но должен признаться, мне не хотелось бы видеть, как человека вешают за такие дела. С судовыми мальчишками, наверное, балуется?

– Да нет, – ответил, подумав, мистер Болдик. – Не скажу, чтоб он этим занимался. Во всяком случае, теперь. Да и не люблю я наговаривать на человека у него за спиной.

– Тем лучше для флота, – отозвался Джек Обри, махнув рукой, и вскоре распрощался. Лейтенант побледнел и покрылся потом; был он жалок, болтлив и пьян.

Трамонтана – холодный северный ветер – успел посвежеть, так что пришлось брать два рифа на марселях; жесткие листья пальм стучали друг о друга, небо совершенно очистилось от облаков. За пределами гавани возникали короткие крутые волны, и у жаркого воздуха появился какой-то странный привкус – не то соли, не то вина. Натянув поглубже треуголку, Обри набрал в легкие воздуха и произнес вслух:

– Господи, до чего же хорошо жить на белом свете!

Время Джек рассчитал точно. Он зайдет в гостиницу, убедится, что обед будет отменного качества, почистит мундир, возможно, осушит бокал вина. Патент искать не придется: пакет лежал у него за пазухой и приятно похрустывал при каждом глубоком вдохе.

Оставив позади «Корону», он спустился к воде, едва пробило без четверти час, и почувствовал, как у него перехватило дыхание. Сев в шлюпку, Джек произнес лишь одно слово: «Софи» – у него сильно забилося сердце и в горле запершило. «Неужели я боюсь?» – спросил себя Джек. С мрачным видом он разглядывал эфес шпаги, почти не замечая, как легко скользит шлюпка по запруженной кораблями гавани. Внезапно перед ним возник корпус «Софи», и лодочник завозился с отпорным крюком.

Мгновения было достаточно, чтобы заметить четко выровненные реи, расцвеченный флагами борт, молодых моряков в белых перчатках, бегом таскающих обвитые бязью швартовные концы, услышать солидное посвистывание боцманской дудки, поблескивающей на солнце. Шлюпка с глухим стуком ткнулась в борт судна. Обри поднялся на палубу под оглушительные вопли унтер-офицеров. Едва нога его коснулась трапа, послышалась хрипая команда и стук ружейных прикладов морских пехотинцев, которые взяли «на караул». Все офицеры сняли треуголки. Поднявшись на шканцы, молодой капитан тоже обнажил голову.

Унтер-офицеры и мичманы надели парадную форму, но их синяя с белым шеренга на сверкающей палубе впечатляла меньше, чем алый строй морских пехотинцев. Все так и ели глазами нового командира. На вид он был строг и даже суров. После минутной паузы, во время которой было слышно бормотанье боцмана, он произнес:

– Мистер Маршалл, прошу вас, представьте мне господ офицеров.

Каждый из них поочередно шагнул вперед: казначей, за ним помощники штурмана, мичманы, канонир, плотник и боцман. Каждый из них кланялся, провожаемый внимательными взглядами всей команды. Джек Обри продолжал:

– Господа, я рад с вами познакомиться. Мистер Маршалл, прошу вас, постройте всю команду на корме. Поскольку лейтенант отсутствует, свое назначение я зачитаю сам.

Не было никакой нужды выгонять кого-то из закутков нижних палуб: все матросы были на месте – чисто умытые, выскобленные – и внимательно наблюдали за происходящим. И тем не менее боцман и его помощники добрых полминуты свистели в трюмы команду «Все наверх!». Едва свистки стихли, Джек Обри подошел к перилам и достал свое назначение. При его появлении прозвучала команда: «Шапки долой!» – и он начал читать твердым, но несколько напряженным, механическим голосом:

– «От distinguished лорда Кейта...»

По мере того как он повторял знакомые строки, наполнившиеся теперь гораздо более глубоким смыслом, Обри вновь ощутил прилив счастья – благодаря торжественности события. Он грохотал:

«Отсюда следует, что ни вы, ни кто-либо из ваших подчиненных не вправе уклониться от своих обязанностей под страхом наказания». Слова эти он произнес с особым выражением. Сложив документ, он кивнул экипажу и убрал бумагу в карман.

– Превосходно, – произнес он. – Отпустите людей, а мы с вами осмотрим шлюп.

В наступившей благоговейной тишине Джек Обри увидел именно то, что он ожидал увидеть, – судно, подготовленное к осмотру и будто затаившее дыхание: как бы вдруг идеальная картина налаженного такелажа, с аккуратно свернутыми бухтами троса и перпендикулярно натянутыми фалами, не была ненароком нарушена. Оно в той же мере походило на себя, как и неподвижный боцман, вспотевший в стоящем колом парадном мундире, походил на самого себя, возящегося в грязной робе с марсель-реем во время сильной качки. И все же существовала важная связь между командой и надраенной добела палубой, до рези в глазах сверкающей бронзой двух четырехфунтовых пушек на шканцах, аккуратно вставленных внутрь бухт тросов цилиндров, выстроенными, как на параде, рядами котлов и кастрюль на камбузе. Весь этот

блеск говорил о многом. Джек не раз сам пускал начальникам пыль в глаза, его было трудно провести, но он был доволен, что его встретили именно так. Он сделал вид, будто не замечает того, что на самом деле сразу приметил: куска ветчины, которую стащил кот – любимец команды; девок, которых мичманы укрыли под парусиной в складском отсеке, что не мешало им высовываться из-под груд парусов. «Не заметил» ни козла за клюз-баком, который вперил в него свои дьявольские зрачки и тут же нарочно нагадил, ни сомнительного предмета, похожего на пудинг, который кто-то с перепугу спрятал под бушпритом.

Но у Джека Обри был удивительно острый глаз – недаром он числился на флоте с девяти, а плавал с двенадцати лет, – и он получил немало других впечатлений. Штурман, против ожиданий, оказался рослым, с приятной внешностью, толковым моряком средних лет – напившийся в стельку мистер Болдик, видно, что-то напутал насчет его любви к мужскому полу. Боцман соответствовал такелажу, за который отвечал: он был крепким, надежным, проверенным и традиционным. Казначей и канонир были ни рыба ни мясо, хотя канонир слишком болезненно отнесся к замечаниям в свой адрес и до окончания смотра незаметно скрылся. Мичманы оказались гораздо приличнее, чем он ожидал: на бригах и куттерах они зачастую имели довольно жалкий вид. Но вот этого мальчишку, юного Бабингтона, на берег в таком виде выпускать нельзя. Провожая сына на флот, его мать, очевидно, рассчитывала, что он еще подрастет, но этого не произошло, и одна лишь треуголка, в которой он тонул, опозорила бы весь экипаж.

Главное впечатление от осмотра судна – старомодность: в облике «Софи» было нечто архаичное, словно ее днище было утыкано гвоздями с широкими шляпками, а не покрыто листами меди, и борта просмолены, а не покрашены. Даже у команды, хотя большинству матросов было лет двадцать с небольшим, был какой-то старомодный вид: на некоторых были надеты широкие штаны и башмаки – наряд этот успел устареть еще в ту пору, когда Джек, тогда юный мичман, был не старше малыша Бабингтона. Еще он заметил, что походка у нижних чинов свободная, нескованная; парни были в меру любопытные, причем в их лицах не было ни скрытой кровожадности, мстительности, ни забитости.

Итак: старомодность. Он полюбил «Софи» с первого взгляда за ее изящно выгнутую палубу, но холодный расчет подсказал Джеку, что именуемый шлюпом бриг тихоходный, не первой молодости, и вряд ли с его помощью можно добыть состояние. Под командованием его предшественника бриг участвовал в паре серьезных сражений: одно – с двадцатипушечным французским капером из Тулона, а второе произошло в Гибралтарском проливе, когда «Софи», охраняя свой конвой, отбила атаку множества гребных канонерок, вышедших из Альхесираса и в штиль напавших на англичан. Однако, насколько он помнит, бригу ни разу не удалось захватить сколько-либо стоящего призового судна.

...Они вернулись на скромные по размеру шканцы, скорее походившие на полуют, и Обри, нагнув голову, вошел в свою каюту. Не разгибаясь, он добрался до рундуков под кормовыми окнами, которые шли от одного борта до другого, являя собой элегантную, гнутую раму для удивительно живописного, в стиле Каналетто, вида на Порт Магон, залитый спокойным полуденным солнцем, – вид был особенно яркий из-за скупого освещения каюты; тускло-ватый свет как бы напоминал, что здесь другой мир. Осторожно сев, Джек Обри убедился, что в таком положении может поднять голову: до подволока оставалось еще добрых восемнадцать дюймов. Устроившись, он подвел черту под смотром:

– Итак, мистер Маршалл, я должен поздравить вас с внешним видом «Софи». Все на надлежащем уровне, как и подобает военному кораблю. – Капитан решил ничего не добавлять к этой казенной фразе. Тем самым он дает понять, что не собирается подлаживаться под экипаж и сулить матросам какие-то блага. Сама мысль о том, чтобы стать таким «своим» командиром, была ему противна.

– Благодарю вас, сэра, – отозвался штурман.

– А теперь я сойду на берег. Но ночевать, разумеется, буду на судне. Так что будьте любезны, пришлите баркас за моим рундуком и вещами. Я остановился в «Короне».

Он посидел некоторое время в своем салоне, наслаждаясь его уютом. Пушек в нем не было, поскольку, благодаря своеобразной конструкции брига, их дула оказались бы дюймах в шести от поверхности воды, и две ретирадные четырехфунтовые пушки были установлены на палубе у него над головой. Однако и без орудий в каюте было тесновато. Рундуки и поперечный стол занимали почти все свободное место. Но в прежних плаваниях Джек довольствовался куда меньшим, поэтому он чуть ли не с восторгом разглядывал изящно скошенные окна – семь рам, со вкусом расположенных в кормовой части каюты, были лучше и краше любой корабельной мебели.

Это было больше, чем он когда-либо имел и на что мог рассчитывать в начале карьеры. Так почему же его восторг омрачался трудно определимым чувством, этой *aliquid amari*¹⁵, знакомой ему по школьным дням?

Возвращаясь на берег на шлюпке, гребцами которой были теперь уже его матросы, облаченные в белые парусиновые штаны и соломенные шляпы с надписью «Софи» на лентах, рядом с мичманом, восседавшим на корме с торжественным видом, Обри понял природу этой горечи – он перестал быть частью корабельного «мы», превратившись в того, кого называют «они». И Обри в первый раз почувствовал, что это такое. Во время обхода он был окружен почтением совсем другого рода, чем то, к которому привык, будучи лейтенантом – одним из многих. Это почтение как стеклянный колпак отделило его от команды. Когда он покинул «Софи», у всех вырвался так хорошо знакомый ему вздох облегчения: «Иегова покинул нас».

«Вот цена моего эполета», – стоя на ступенях лестницы, подумал Джек и произнес вслух, обращаясь к маленькому мичману:

– Благодарю вас, мистер Бабингтон.

Шлюпка развернулась и стала удаляться. Мистер Бабингтон свистел:

– А ну-ка посторонись! Не спать, Симонс, пьяная твоя рожа.

«Такова цена, которую нужно платить, – повторил про себя молодой офицер. – Но, клянусь Господом, за ценой я не постою». И вновь на его просиявшем лице появилось счастливое, почти восторженное выражение. Но, идя на встречу в «Короне» – встречу с тем, кто не обязан ему козырять, – он шагал более энергичной походкой, чем та, которая была еще вчера свойственна лейтенанту Обри.

¹⁵ Горечь (лат.).

Глава вторая

Они сидели за круглым столиком в эркере, высоко над водой, и небрежно швыряли пустые устричные раковины в их родную стихию. От разгрузившейся в полтора фута от них тартаны пахло шведским дегтем, пеньковыми тросами, парусиной и итальянским скипидаром.

– Позвольте положить вам еще немного бараньего рагу, сэр, – произнес Джек.

– Что ж, раз вы настаиваете, – отозвался Стивен Мэтьюрин. – Очень уж оно вкусно.

– Это одно из блюд, которое в «Короне» умеют приготовить, – продолжал Джек. – Хотя не мне хвалить здешних поваров. Кроме закусок я заказал пирог с утиной, говяжье жаркое и свиную щеку под соусом. Вне всякого сомнения, малый не понял меня. Я несколько раз повторил ему: «*Visage de porco*», и он закивал, как китайский болванчик. Странные люди: когда хочешь, чтобы тебе приготовили пять блюд, *cinco platos*, и старательно объясняешь им это по-испански, оказывается, что принесли тебе только три, да и то два из них совсем не те, что заказал. Мне стыдно, что ничем лучшим я не могу вас угостить, но это вовсе не из-за невнимания к вам, уверяю вас.

– Так вкусно я не ел много дней, к тому же, – добавил Мэтьюрин с поклоном, – в таком приятном обществе, честное слово. Возможно, сложности возникли оттого, что вы объяснялись на кастильском наречии?

– Видите ли, – отвечал Джек, наполняя бокалы и с улыбкой разглядывая их содержимое на свет, – мне кажется, что я разговариваю с испанцами не лучше, чем немой с глухим.

– Вы, разумеется, забыли, что на этих островах разговаривают на каталанском языке.

– А что это за язык?

– Это язык Каталонии – на нем говорят на островах, на всем Средиземноморском побережье, до самого Аликанте и дальше. В Барселоне, в Лериде. В самых богатых провинциях полуострова.

– Вы меня удивляете. О таких тонкостях я не имел ни малейшего представления. Выходит, это совсем другой язык, сэр? Но мне кажется, это одно и то же – *putain*¹⁶, как говорят во Франции?

– Во все нет, ничего подобного. Это гораздо более изящный язык. Он строже и литературней. Гораздо ближе к латинскому. Кстати, вы, скорее всего, имели в виду другое слово – *patois*¹⁷, если позволите.

– Вот именно – *patois*. И все же, могу поклясться, то, что я имел в виду, произносится как-то иначе, – возразил Джек. – Однако не стану строить из себя ученого, сэр. Скажите, а язык этот звучит иначе для уха человека непросвещенного?

– Он так же отличается, как итальянский от португальского. И те и другие друг друга не понимают – эти языки звучат по-разному. И интонации в них совершенно разные. Как у Глюка и Моцарта. Это великолепное кушанье, к примеру, – я вижу, они постарались, чтобы вам угостить, – по-испански называется *jabalí*, а по-каталански – *senglar*.

– Это свинина?

– Мясо дикого вепря. Позвольте...

– Вы очень добры. Не передадите ли мне соль? Действительно, роскошная пища. Я бы ни за что не догадался, что это свинина. Скажите, а что это за вкусные темные колбаски?

¹⁶ Гулящая женщина (фр.).

¹⁷ Жаргон (фр.).

– Вы меня ставите в тупик. По-каталански они называются *bolets*, а как по-английски – не знаю. Очевидно, у них нет названия, я имею в виду английское название, хотя натуралист сразу определил бы их как Линнеевы *boletus edulis*¹⁸.

– Как-как?.. – воскликнул Джек, глядя на Стивена Мэтьюрина с добродушным изумлением. Успев съесть два, если не три фунта баранины, а в завершение жаркое из вепря, он размяк душой. – Откуда вы все это знаете? – Однако, сообразив, что приступает к гостю чуть ли не с ножом к горлу, Обри кашлянул и позвонил официанту, сдвинув пустые бокалы к краю стола.

Вопрос ненадолго повис в воздухе, и лишь недоброжелательное отношение или мрачное настроение доктора помешали бы ответить на него.

– Я вырос в здешних местах, – произнес Стивен Мэтьюрин. – Значительную часть моей юности провел в Барселоне, вместе с дядей и бабушкой, и еще в провинции недалеко от Лерида. Пожалуй, я больше жил в Каталонии, чем в Ирландии, и когда впервые поехал на родину, где стал учиться в университете, то математические задачи решал на каталанском языке, потому что таким образом цифры более естественно приходили мне на ум.

– Выходит, вы разговариваете на этом языке как местный уроженец, сэр, я в этом уверен, – отозвался Джек. – Это же превосходно. Вот это называется – с пользой провести детство. Жаль, что мне в свое время не так повезло.

– Нет, нет, – покачал головой Стивен. – Я понапрасну тратил время. Сносно изучил птиц – в этой стране множество хищных птиц и животных, сэр, – а также рептилий. Однако насекомые, помимо *lepidoptera*, и растения – это же непочатый край, к которому прикоснулись лишь невежественные руки! Только прожив несколько лет в Ирландии, я сумел написать небольшую работу, посвященную явнотелам, и понял, до чего же чудовищно бездарно я потратил свое время. Огромная часть территории, интересной для всестороннего изучения, осталась нетронутой со времен Уилагби и Рея до конца минувшего столетия. Испанский король пригласил Линнея приехать в свою страну, гарантируя ему свободу вероисповедания, – как вы, несомненно, помните, – однако ученый отклонил его предложение. Все эти неисследованные богатства были у меня в руках, но я пренебрег ими. Подумать только, что бы на моем месте совершили Паллас, ученый Соландер или Гмелины, старый и молодой! Вот почему я воспользовался первой представившейся возможностью и согласился сопровождать старого мистера Брауна. Правда, Менорка – это не материк, но, с другой стороны, такая огромная площадь известняковых пород имеет свою особенную флору, и вообще, здесь много любопытного.

– Вы о каком мистере Брауне – о том, что складом заведует? О морском офицере? Я хорошо его знаю, – воскликнул Джек. – Превосходный собутыльник – любит пить за столом, сочиняет прелестные мелодии.

– Это не он. Мистер Браун – мой пациент, которого я сопровождал в Испанию. Он умер в море, и мы его схоронили у мыса Святого Филиппа. Бедняга, у него была последняя стадия чахотки. Я надеялся привезти его сюда: смена воздуха и режим могут творить чудеса с такими больными. Но когда мы с мистером Флори вскрыли его, то обнаружили такую огромную... Словом, мы убедились, что его консультанты – а это были лучшие в Дублине доктора – были настроены чересчур оптимистично.

– Так вы его разрезали? – воскликнул Джек, отодвинувшись от своей тарелки.

– Да, мы сочли это необходимым, чтобы удовлетворить просьбу его друзей. Хотя, могу поклясться, похоже, что их все это очень мало трогало. Несколько недель назад я написал единственному его родственнику, известному мне, – господину, проживающему в графстве Ферманаг, но не получил от него ни строчки.

Наступила пауза. Джек наполнил бокалы (это походило на прилив и отлив) и заметил:

¹⁸ Грибы съедобные (лат.).

– Если б я знал, сэр, что вы хирург, то я, пожалуй, не устоял бы от соблазна и принялся уговаривать вас пойти ко мне служить.

– Хирурги – отличные ребята, – отозвался Стивен Мэтьюрин с ноткой сарказма. – Что бы мы без них делали, боже упаси! Ловкость и быстрота, с которой мистер Флори вскрыл в здешнем госпитале *eparterial bronchus*¹⁹, удивила, я сказал бы даже – восхитила бы вас. Но я не имею чести принадлежать к их числу, сэр. Я всего лишь обычный врач.

– Извините меня, ради бога, надо же было так ошибиться. Но даже в этом случае, доктор, даже в этом случае я заманил бы вас на борт своего судна и держал взаперти до тех пор, пока мы бы не вышли в море. На моей бедной «Софи» нет лекаря, и нет никакой надежды отыскать его. Послушайте, сэр, неужели мне не удастся уговорить вас вместе отправиться в плавание? Военный корабль – находка для философа, особенно в Средиземном море. Тут есть и птицы, и рыбы – обещаю, что вы увидите чудовищных и странных рыб, редкие природные явления, метеоры, а еще – возможность получить призовые деньги. Ведь даже Аристотель позарился бы на призовые деньги. Дублионы, сэр. Они сложены в мягкие кожаные мешки приблизительно вот такой величины. И очень приятно ощущать их тяжесть. Больше двух мешков человеку не унести.

Говорил Обри шутливым тоном, не рассчитывая на ответ, поэтому удивился словам Стивена:

– Но у меня нет диплома морского врача. Разумеется, мне довелось делать немало вскрытий, и я знаком с большинством хирургических операций. Но я не изучал морской гигиены и совсем не знаю характерных для моряков болезней...

– Благослови вас Господь! – вскричал Джек. – Даже не думайте о таких пустяках. Вы только представьте, кого нам присылают, – помощников хирурга, несчастных недорослей-недоучек, которые в лучшем случае отирались по аптекам, чтобы получить патент в военно-морском министерстве. Они знать не знают, что такое хирургия, не говоря о медицинской науке. Они учатся ей на бедных матросиках. И еще они надеются заполучить опытного фельдшера, какого-нибудь мастера ставить пиявки, хитрована или мясника из числа матросов. В печати о таких пишут сколько угодно. И когда они немного поднатаскаются в своем ремесле, то сразу метят на фрегаты и линейные корабли. Что вы! Мы были бы рады заполучить вас, более чем рады. Прошу вас, подумайте над моими словами. Не стоит говорить, – с серьезным выражением лица добавил молодой офицер, – как приятно было бы мне оказаться вашим сослуживцем.

Открылась дверь, и вошел официант со словами:

– Морская пехота.

Вслед за ним появился солдат в красном мундире с пакетом в руке.

– Капитан Обри? – произнес он громким голосом. – Это вам от капитана Харта с наилучшими пожеланиями.

Прогрохотав сапогами, он тотчас исчез, и Джек заметил:

– Должно быть, это распоряжения от коменданта.

– Не обращайтесь на меня внимания, прошу вас, – сказал Стивен. – Вы должны прочитать их тотчас же.

Взяв скрипку Джека, он отошел в дальний конец комнаты и принялся наигрывать тихую, как бы шепчущую мелодию, повторяя ее вновь и вновь.

Распоряжения оказались именно такими, каких Джек и ожидал: ему было предписано как можно быстрее пополнить запасы, погрузить провизию и отправиться для конвоирования в Кальяри двенадцати парусных судов и транспортов (перечисленных отдельно). Ему предписывалось следовать полным ходом, но шадить при этом рангоут и паруса. Он не должен был уклоняться от опасности, но в то же время ему не следовало рисковать напрасно. Затем, под

¹⁹ Надартериальный бронх (лат.).

грифом «Секретно», ему были даны инструкции относительно особых сигналов – как отличать своего от противника: «Судну, сигнализирующему первым, надлежит поднять красный флаг на топе фок-мачты и белый флаг с вымпелом над ним – на грот-мачте. Отвечать должно поднятием белого флага с вымпелом над ним на топе грот-мачты и синего флага на топе фок-мачты. Судно, первым поднявшее сигнал, должно выстрелить из одной пушки в наветренном направлении, а то, которое ему отвечает, стреляет трижды, с интервалами между выстрелами, в подветренном направлении». Наконец, была приписка, в которой указывалось, что лейтенант Диллон назначен на «Софи» вместо мистера Болдика, который вскоре прибудет на борт «Берфорда».

– Хорошие новости, – произнес Джек. – У меня будет отличный товарищ в лице лейтенанта. «Софи» по штату полагается лишь один лейтенант, так что это очень важно... Лично я с ним не знаком, но он великолепный товарищ, я в этом уверен. Он отличился на «Дарте» – наемном куттере: в Сицилийском канале атаковал не то два, не то три французских капера. Одного из них потопил, а второго захватил. На флоте только об этом и говорили, но его рапорт в «Гэзетт» опубликован не был, и повышения он не получил. Чертовски не повезло малому. Для меня это удивительно – такое впечатление, будто повышение его не интересовало. Фитцджеральд, которому известно о вещах такого рода, сказал мне, что Диллон не то племянник, не то кузен какого-то пэра. Вполне возможно. Десятки людей получали очередной чин за гораздо менее значительные подвиги. К примеру, я сам.

– Позвольте узнать, что именно вы совершили? Я так мало знаю о флотских делах..

– Все просто: мне два раза чуть не проломили голову – сначала во время сражения на Ниле и потом еще раз, когда «Женерё» захватил старый «Леандр». Приспела пора раздавать награды, и поскольку я оказался единственным оставшимся в живых лейтенантом, то наступил и мой черед. Повышение ко мне пришло не сразу, но, клянусь, было кстати, хотя я его и не заслужил... Как насчет чая? Да еще с куском сдобного пирога? Или предпочитаете портвейн?

– Чай был бы весьма кстати, – отозвался Стивен. – Но скажите, – продолжал он, взявшись за скрипку и прижав ее подбородком, – разве ваши повышения не связаны со значительными расходами, поездкой в Лондон, приобретением формы, клятвами верности, уплатой налогов?..

– Клятвами? Вы имеете в виду присягу? Нет. Это касается только лейтенантов. Вы отправляетесь в Адмиралтейство, вам зачитывают бумагу, где говорится о необходимости соблюдать верность трону, о могуществе империи, о полном непризнании Папы Римского. Вы чувствуете торжественность момента и произносите: «Даю в сем клятву», а малый за конторкой говорит: «Это обойдется вам в полгинеи», – и знаете, у вас тотчас пропадает ощущение торжественности. Но это касается лишь строевых офицеров, врачи назначаются приказом. Думаю, вы-то не станете возражать против принятия присяги, – произнес Джек с улыбкой, но, почувствовав, что замечание прозвучало не деликатно, затрагивало личность его гостя, продолжал: – Я служил с одним умником, который дошел до того, что стал отвергать любой вид присяги. Он мне не нравился тем, что то и дело мял свою физиономию. Мне кажется, это было от нервов, и, видно, привычка эта его подбодряла. Однако всякий раз, когда вы смотрели на него, он или засовывал себе в рот палец, или сдавливал себе щеку, или перекашивал подбородок. Разумеется, это пустяки, но когда постоянно, изо дня в день, находишься с ним в одной кают-компании, такое поведение начинает утомлять. Среди младших офицеров или в лазарете еще можно сказать: «Ради бога, оставь свое лицо в покое», но в кают-компании приходилось терпеть его ужимки. Он пристрастился к чтению Библии и из этого чтения заключил, что клясться грешно. Когда устроили дурацкий суд над беднягой Бентамом, его вызвали в качестве свидетеля и он наотрез отказался присягать. Старик Джарви он объяснил, что это противоречит Евангелию. Все могло сойти с рук, имей он дело с Гамбье или Сомаресом, но старик Джарви ему не спустил. Беднягу, к сожалению, списали. Признаться, я его не любил, да и пахло от него, но он

был неплохой моряк и никому не причинял вреда. Вот что я имею в виду, когда говорю, что вы не стали бы возражать против присяги – вы же не фанатик.

– Разумеется, я не фанатик, – отозвался Стивен. – Воспитал меня философ, и я, в известной мере, проникся его скептицизмом. Он бы назвал присягу детской забавой – бесполезной, хотя и безвредной, если она добровольна. Присяги следует избегать, если ее вам навязывают. Но в наш век немногие, даже среди вас, морских волков, откажутся от сыра, который надо достать из мышеловки.

Наступила продолжительная пауза, во время которой принесли чай.

– Чай вы пьете с молоком, доктор? – спросил Джек.

– Если можно, – отозвался Стивен, который о чем-то задумался, уставившись в пустоту и сжав губы в беззвучном свисте.

– Я бы хотел... – начал было Джек, но Стивен его прервал:

– Принято считать, что проявлять себя в невыгодном свете – это признак слабости или даже неразумности. Но вы говорите со мной с такой откровенностью, что я не могу не последовать вашему примеру. Ваше предложение чрезвычайно соблазнительно. Если не учитывать соображений в пользу такого решения, о которых вы сообщили столь предупредительно, дело еще и в том, что здесь я нахожусь в крайне стесненных обстоятельствах. Пациент, которого я должен был обслуживать до осени, скончался. Насколько мне известно, человек он был состоятельный – у него имелся дом на площади Меррион. Но когда мы с мистером Флори стали осматривать его имущество, прежде чем опечатать его, мы ничего не нашли – ни денег, ни векселей. Его слуга сбежал, что может объяснить этот факт, однако его друзья на мои письма не отвечают, а война отрезала меня от моего небольшого имения в Испании. И когда я вам сказал некоторое время назад, что давно так хорошо не ел, я говорил это не из пустой вежливости.

– Какой кошмар! – воскликнул Джек. – Мне страшно жаль, что вы оказались в таком затруднительном положении, и если из-за *res augusta*²⁰ у вас сложности с наличностью, надеюсь, вы позволите мне... – С этими словами Обри полез в карман панталон, но Стивен Мэтьюрин, улыбаясь и качая головой, проговорил:

– Нет, нет, нет. Но вы очень добры.

– Мне, право, жаль, что вы оказались в таком затруднительном положении, доктор, – повторил Джек Обри, – я испытываю нечто вроде стыда из-за того, что воспользовался им. Но моей «Софи» нужен врач. Морякам нравится, когда с ними хоть кто-то может нянчиться. Они любят, когда им выдают какие-то снадобья, и судовой экипаж, в котором нет пусть даже самого неотесанного лекаря, – несчастные люди. Кроме того, вот вам ответ на ваши денежные затруднения. Для такого ученого человека, как вы, жалование мизерное – пять фунтов в месяц, и мне даже стыдно называть такую сумму. Но зато есть возможность получать призовые деньги; кроме того, имеется дополнительный приработок наподобие «дара королевы Анны» и добавочных сумм при лечении больных оспой. Они высчитываются из их жалования.

– Что касается денег, то я не очень забочусь о них. Уж если бессмертный Линней смог преодолеть в Лапландии пять тысяч миль, имея в кармане всего двадцать пять фунтов, то наверняка на это способен и я... Но это действительно возможно? Ведь наверняка должно быть какое-то официальное назначение? Форма? Инструменты? Лекарства?

– Теперь, когда вы вдаетесь в такие тонкости, я поражаюсь тому, как удивительно мало я знаю, – отозвался с улыбкой Джек Обри. – Храни вас Господь, доктор, но мы не должны допустить, чтобы нам мешали такие пустяки. Официальное разрешение военно-морского министерства иметь вы должны, я в этом уверен. Но я знаю, что адмирал выдаст вам временный приказ, как только я попрошу его об этом. И сделает это с удовольствием. Что касается формы, то у морских врачей она ничего особенного собой не представляет, хотя обычно они носят

²⁰ Казенные дела (*лат.*).

синие мундиры. Что касается инструментов и прочего, то положитесь на меня. Думаю, что из госпиталя пришлют на борт судна набор инструментов. Об этом позаботится мистер Флори или кто-нибудь из тамошних хирургов. Однако в любом случае тотчас отправляйтесь на судно. Приходите, когда вам будет угодно. Приходите, скажем, завтра, и мы вместе отобедаем. Даже на получение временного приказа понадобится какое-то время, поэтому в этом плавании вы будете моим гостем. Комфорта не ждите – сами понимаете, на бриге тесновато. Зато приобщитесь к жизни военных моряков. А если вы задолжали наглому домохозяину, то мы мигом обломаем ему рога. Позвольте, я вам налью. Я уверен, «Софи» вам понравится, потому что она чрезвычайно располагает к философии.

– Разумеется, – отвечал Стивен. – Что может быть лучше для философа, изучающего человеческую натуру? Объекты наблюдений собраны вместе, они не могут избежать его пытливого взгляда. Все на виду: их страсти, усиленные опасностями войны и профессии, изоляция от женщин, необычный, но однообразный рацион. И, несомненно, пламя патриотизма, пылающее в их сердцах, – добавил Стивен, поклонившись Джеку. – Признаюсь, какое-то время в прошлом я больше интересовался криптограммами, чем жизнью своих ближних. Но даже в этом случае судно должно представить пытливому уму весьма богатое поле для исследований.

– Причем весьма поучительное, уверяю вас, доктор, – отозвался Джек. – Как же вы меня осчастливили: лейтенантом на «Софи» будет Диллон, а судовым врачом – доктор из Дублина. Кстати, вы земляки. Возможно, вы знакомы с мистером Диллоном?

– Диллонов много, – отвечал Стивен, ощутив холодок в груди. – А как его зовут?

– Джеймс, – произнес Джек Обри, взглянув на записку.

– Нет, – уверенно заявил Стивен. – Не припомню, чтобы я когда-нибудь встречался с Джеймсом Диллоном.

– Мистер Маршалл, – произнес Джек, – будьте добры, вызовите плотника. У нас на борту появится гость – мы должны обеспечить ему комфорт. Он врач, известный философ.

– А не астроном, сэр? – живо откликнулся штурман.

– Скорее ботаник, насколько я могу судить, – ответил командир. – Но я очень надеюсь, что если мы создадим ему уют, то он может остаться у нас на борту в качестве судового врача. Представьте себе, какая это будет удача для экипажа!

– И то правда, сэр. Моряки страшно расстроились, когда мистер Джексон перебрался на «Паллас», так что, если заменить его настоящим доктором, это будет удача. Один настоящий доктор имеется на борту флагманского корабля, и еще один в Гибралтаре, но, насколько мне известно, на всем флоте их больше нет. Я слышал, что сухопутные доктора берут по гинее за визит.

– Больше, мистер Маршалл, гораздо больше. Запас воды приняли?

– Приняли и погрузили в трюм, за исключением двух бочонков.

– А вот и вы, мистер Лэмб. Я хочу, чтобы вы взглянули на переборку в моей каюте и подумали, нельзя ли сделать ее чуть просторней для моего друга. Может быть, сдвинуть переборку к носу дюймов на шесть? Слушаю вас, мистер Бабингтон.

– Прошу прощения, сэр. «Берфорд» сигналил нам со стороны мыса.

– Превосходно. Сообщите казначею, старшему канониру и боцману, что я хочу встретиться с ними.

С этой минуты командир «Софи» с головой погрузился в изучение судовых документов – судовой роли, интендантского журнала, увольнительных, журнала приема больных, отчетности о расходах старшего канонира, боцмана и плотника о снабжении, отчетов, общего перечня полученной и оприходованной провизии, квартального отчета наряду со свидетельствами о количестве выданных крепких алкогольных напитков, вина, какао и чая, не говоря о шканечном журнале, журнале записи писем и приказов. Успев чрезвычайно плотно пообедать и не слишком разбираясь в цифрах, вскоре Обри запутался в этих бумагах. Больше всего хлопот

доставил ему Риккетс, казначей. Запутавшись в цифрах, Джек стал злиться. Ему показалось, что казначей слишком ровно выстраивает бесконечные суммы и балансы. Ему предстояло подписать множество квитанций, разного рода расписок, в которых он ничего не смыслил.

– Мистер Риккетс, – произнес Обри после продолжительного, ничего не значащего объяснения, которое ничего ему не дало, – в судовой роли под номером 178 стоит Чарлз Стивен Риккетс.

– Так точно, сэр. Это мой сын, сэр.

– Вот именно. Я вижу, что он появился в списке 30 ноября 1797 года. Прибыл с «Тоннанта», бывшей «Принсесс Ройял». Рядом с именем не указан его возраст.

– Позвольте вспомнить. Чарли к тому времени, должно быть, исполнилось двенадцать, сэр.

– И он записан матросом первого класса.

– И то верно, сэр. Ха-ха!

Это было хоть и мелкое, но мошенничество. Джек Обри не улыбался. Он продолжал:

– Некто АБ появился 20 сентября 1798 года в должности писаря. А 10 ноября 1799 года он произведен в мичманы.

– Так точно, сэр, – отозвался казначей.

Не слишком смутившись превращением двенадцатилетнего мальчишки в матроса первого класса, мистер Риккетс, с его острым слухом, заметил нажим на слово «произведен». Смысл намекать ему был понятен: «Хотя, возможно, я и не слишком разбираюсь в делах, но, если ты продолжишь свои казначейские фокусы, я засуну тебе якорь в жабры и пропесочу тебя от носа до кормы. Более того, один моряк может быть понижен в звании другим моряком, и если ты не возьмешься за ум, то, клянусь, я поставлю твоего малого к мачте и линьками с него спустят семь шкур». У Джека Обри болела голова, от выпитого портвейна глаза немного покраснели, и готовность принять крутые меры столь явно проглядывала в нем, что казначей воспринял угрозу весьма серьезно.

– Так точно, сэр, – повторил он. – Так точно. Вот список погрузочных расходов. Вы позволите мне подробно объяснить названия различных документов, сэр?

– Прошу вас, мистер Риккетс.

Это было первое, вполне ответственное знакомство Джека Обри с бухгалтерской документацией, и оно ему не слишком пришлось по душе. Даже небольшому судну (а водоизмещение «Софи» лишь немного превышало пятьдесят тонн) требовалось удивительно большое количество припасов: кадки с солониной, свининой и маслом, пронумерованные и учтенные бочонки, бочки и емкости с ромом, тонны галет из зерна, зараженного долгоносиком, суповые концентраты с изображенной на них широкой стрелой, не говоря о черном порохе (молотом, гранулированном, высшего качества), запалы, пыжи, ядра – соединенные цепью, цементированные, кассетные, овальные или круглые – и бесчисленное количество всякой всячины, необходимой боцману (и очень часто расхищаемой им), – блоки, тали, одиночные, двойные, ракс-бугели, ординарные, двойные, плоские шкивы, двойные с тонкой оправой, ординарные с тонкой оправой, ординарные со стропом и однотипные блоки – одни лишь они способны были составить целый синодик. Во всем этом Джек разбирался гораздо лучше: разница между ординарным и двойным блоком была столь же очевидной для него, как и разница между днем и ночью, истиной и ложью, а то и еще очевиднее, смотря по обстоятельствам. Но сейчас его разум, привыкший решать конкретные физические задачи, очень устал: он задумчиво разглядывал журналы с загнутыми уголками страниц, растрепанные, сложенные в стопку на краю рундука и доставленные через иллюминаторы, из которых в каюту врвался солнечный свет и шум волн. Проведя рукой по лицу, он произнес:

– С остальным разберемся в следующий раз, мистер Риккетс. Что за уйма бумаг, черт бы их побрал. Вижу, что на судне нужен письмоводитель. Кстати, я вспомнил: я назначил на эту

должность одного молодого человека. Сегодня он прибудет на судно. Уверен, вы введете его в курс дел, мистер Риккетс. Похоже, это добросовестный и толковый юноша. Он приходится племянником мистеру Уильямсу, призовому агенту. Мне кажется, экипажу «Софи» будет на руку, если мы наладим хорошие отношения с призовым агентом. Как вы полагаете, мистер Риккетс?

– Совершенно верно, сэр, – с глубоким убеждением заявил казначей.

– А теперь до вечерней пушки я должен успеть вместе с боцманом на верфь, – сказал Джек Обри, очутившись на свежем воздухе.

Едва он вышел на палубу, как с левого борта на судно поднялся юный Ричардс, сопровождаемый негром, который ростом был значительно выше шести футов.

– А вот и молодой человек, о котором я вам говорил, мистер Риккетс. А это моряк, которого вы привели с собой, мистер Ричардс? На вид это отличный, крепкий малый. Как его зовут?

– Альфред Кинг, с вашего позволения, сэр.

– Вы умеете работать на палубе, брать рифы и стоять на руле, Кинг?

Негр кивнул своей круглой головой. Сверкнув белыми зубами, он что-то пробурчал. Джек Обри нахмурился: так с командиром не обращаются, находясь на шканцах его корабля.

– Послушайте! – резким тоном проговорил он. – Вы что, язык проглотили?

Внезапно посерев, негр с испуганным видом покачал головой.

– Прошу прощения, сэр, – проговорил письмоводитель. – У него нет языка. Мавры вырезали его.

– Ах вот оно что, – пробормотал опешивший Обри. – Что ж, проводите его на бак. Я занесу его в судовую роль. Мистер Бабингтон, отведите мистера Ричардса вниз и покажите ему мичманскую койку. Пойдемте же, мистер Уотт, надо вовремя добраться до верфи, иначе не застанем на месте тамошних дармоедов.

– Там есть один человек, который порадует ваше сердце, мистер Уотт, – продолжал Джек Обри, наблюдая за тем, как баркас рассекает поверхность гавани. – Хотел бы я иметь еще десятка два таких молодцов. Вижу, вас не очень радует эта идея, мистер Уотт?

– Конечно же, сэр, я ничего не имею против того, чтобы заполучить хорошего моряка. Разумеется, мы могли бы обменять на них некоторых из наших ребят, засидевшихся на берегу. Правда, их осталось не так уж много, потому что слишком мы долго вооружали судно. Что касается остальных, то это матросы скорее второго класса, чем первого...

Боцман не знал, как ему закончить столь долгую речь, но после некоторой паузы он, выпучив глаза, добавил:

– А если говорить о количестве, то народу маловато, сэр.

– Даже для несения службы в гавани?

– Господь с вами, сэр. Путевых матросов никогда не было больше полудюжины. И уж мы старались, чтобы они были трудягами, а не какими-нибудь там пидорами. Извиняюсь, сэр, я хотел сказать – бездельниками. Что касается количества, то дело обстоит неважно. На таком бриге, как «Софи», при трех вахтах яблоку упасть негде. Оно, конечно, судно славное, уютное, на нем чувствуешь себя как дома, но просторным его не назовешь.

Джек Обри ничего на это не ответил, но слова боцмана подтвердили многие его подозрения, и он размышлял над ними до тех пор, пока баркас не добрался до причала.

– Капитан Обри! – воскликнул мистер Браун, офицер, заведовавший складским причалом. – Разрешите пожать вам руку и пожелать вам всего наилучшего. Рад знакомству с вами.

– Спасибо, сэр. Большое вам спасибо. – Они пожали друг другу руки. – Я впервые в ваших владениях, сэр.

– Просторно, не так ли? – отозвался офицер. – Там канатная мастерская. За вашим старым «Женерё» находится парусная кладовая. Хотелось бы, чтобы забор вокруг склада рангоутной древесины был повыше. Вы даже не представляете себе, сколько вора на этом острове.

По ночам они перелезают через забор и воруют мой рангоут. Во всяком случае, пытаются это делать. Убежден, что нередко их посылают к нам сами шкиперы. Но, кто бы их ни посылал, в следующий раз, как только поймаю какого-нибудь сукиного сына, укравшего хотя бы палку, я его вздерну.

– Похоже, мистер Браун, что вам даже с гнутым гвоздем или нагелем тяжело расстаться. Но тогда для вашего полного счастья наш военный флот должен убраться из Средиземного моря.

– Не горячитесь, молодой человек, – произнес мистер Браун, тронув за рукав Джека Обри. – Выслушайте старого, опытного человека. Умному капитану никогда ничего не нужно на верфи. Такие обходятся тем, что имеют в своем распоряжении. Они очень берегут королевские припасы, за свой счет смазывают днище салом, пропитывают якорные канаты отслужившим два срока составом, чтобы они не застряли в клюзах. О парусах заботятся больше, чем о собственной шкуре, никогда не лезут в драку и не ставят бом-брамсели: береженого бог бережет. И в результате такой офицер получает повышение, мистер Обри. Как вам известно, мы направляем рапорты в Адмиралтейство, а наши рапорты имеют там значительный вес. Почему Троттер стал капитаном первого ранга? Да потому, что он был самым экономным командиром на базе. Некоторые капитаны меняли стены два, а то и три раза в год – с Троттером этого не происходило никогда. Возьмем вашего друга капитана Аллена. Он ни разу не пришел ко мне со списком материалов длиной со свой выппел. Посмотрите теперь на него. Командует таким красавцем фрегатом, о каком можно только мечтать. Но зачем я вам об этом рассказываю, капитан Обри? Мне хорошо известно, что вы в лепешку расшибетесь, чтоб корабль был как с иголочки. Знаю, в какой отличный вид вы привели «Женерё». Кроме того, «Софи» в превосходной форме. Только с покраской у нее дело плохо. В ущерб другим капитанам я смог бы наскрести для вас немного желтой краски.

– Что ж, сэр, буду вам весьма благодарен, если выделите мне пару бочонков, – отозвался Джек, мельком взглянув на рангоутные деревья. – Но пришел я к вам за другим. Не одолжите ли вы мне свои дуэты? Я беру с собой в плавание одного своего друга, и он хотел бы послушать ваши дуэты си минор.

– Вы их получите, капитан Обри, – заявил мистер Браун. – Конечно же получите. В настоящее время один из них миссис Харт перелагает для арфы, но я сразу же отправлюсь к ней. Вы когда отплываете?

– Как только приму на борт запасы воды и суда конвоя будут готовы.

– Выходит, завтра вечером, если «Фанни» присоединится к вам. С водой задержки не будет: «Софи» берет на борт всего десять тонн. Ноты вы получите завтра к полудню – я вам это обещаю.

– Бесконечно обязан вам, мистер Браун. Тогда спокойной ночи. Передайте мои лучшие пожелания миссис Браун и мисс Фанни.

– Черт побери! – выругался Джек Обри, разбуженный ни свет ни заря оглушительным стуком плотницкого молотка. Спрятав лицо в подушку, он изо всех сил пытался цепляться за мягкий мрак, лихорадочно думая о том, что заснул лишь в шесть часов. То обстоятельство, что его однажды чуть свет видели на палубе, где он придирчиво проверял рангоут и такелаж, послужило причиной слуха, будто он птица ранняя. Что и вызвало излишнее рвение плотника, а также появление стюарда из буфетной для младших офицеров (капитанский буфетчик вслед за старым хозяином перебрался на «Паллас», и вместе с ним исчезла традиция подавать капитану на завтрак кружку пива, овсяную кашу и холодное мясо).

Теперь Джеку было не до сна, что подтверждал стук молотка над самым ухом и шушуканье плотника и его помощников. Ясное дело, они находились у него в спальной каюте. Голову его пронзила острая боль.

– Перестаньте колотить, черт бы вас побрал! – рявкнул Обри, и совсем рядом послышался испуганный отзыв:

– Есть, сэр!

После этого мастера на цыпочках ушли прочь.

«Чего это я вчера так раздухарился? – подумал он, не вставая с койки. – От болтовни охрип, начал каркать, как ворона. И зачем это я столько народу наприглашал? Пригласил человека, которого едва знаю, на крохотный бриг, где сам еще толком не успел осмотреться». Обри мрачно думал о том, что нужно быть весьма осмотрительным, ежедневно общаясь с экипажем, как примерный семьянин – со своими домашними. Думал о сложности общения с прагматичными, но капризными и самонадеянными моряками – у каждого свой характер, – оказавшимися в одной тесной скорлупке. Он вспомнил учебник по морскому делу и как корпел над ним, ломая голову...

«Назовем угол YCB, к которому прикреплен рей, углом установки парусов и обозначим его буквой b . Он является дополнением до 90° угла DCI. Теперь $CI:ID = \text{rad.}:\tan$. $DCI = I:\tan$. $DCI = I:\cotan$. b . Поэтому мы окончательно имеем $I:\cotan$. $b = A^1:B^1:\tan^2x$, $A^1:\cotan$. $b = B^1:\tan^2x$, а $\tan^1x = A/B \cot$. Это уравнение, очевидно, подтверждает отношение между углом установки парусов и дрейфом...»

– Это же совершенно ясно, не так ли, голубчик Джеки? – с надеждой в голосе говорила довольно рослая молодая женщина, склонившаяся над ним (он помнил себя маленьким крепышом лет двенадцати, над которым парила вполне созревшая Куини).

– Вовсе нет, Куини, – отвечал мальчуган. – По правде говоря, ничего не ясно.

– Что же, – отозвалась она с бесконечным терпением. – Постарайся запомнить, что такое котангенс, и давай начнем сначала. Представим себе, что судно – это продолговатая коробка...

В самом начале своего капитанства Джек Обри и «Софи» считал продолговатой коробкой. Он не успел оценить ее как следует, но две-три главные вещи сомнений не вызывали. Во-первых, парусное вооружение у нее было недостаточным. Судно могло идти под острым углом к ветру, но в таком случае его сносило. Во-вторых, у его предшественника был совершенно другой характер. В-третьих, экипаж «Софи» стал походить на своего прежнего капитана – доброго, толкового, спокойного, покладистого командира, который никогда не лез на рожон, хотя и проявлял смелость, когда нужно, но на пирата не походил.

– Если бы дисциплину сочетать с отвагой пирата, – проговорил Джек Обри, – то на океане царили бы мир и покой.

И он тотчас переключился на такие обыденные вещи, как призовые деньги, которые можно было бы получить, добившись хотя бы относительного мира и покоя.

– И этот отвратительный грота-рей, – продолжал он. – Клянусь Господом, я сумею установить пару двенадцатифунтовых погонных пушек. Правда, выдержат ли нагрузку бимсы? Как бы то ни было, эта коробка должна чуть больше походить на боевой корабль, настоящее военное судно.

Пока он размышлял таким образом, в его низенькой каюте посветлело. Под кормой «Софи» прошел нагруженный тунцом бот, откуда доносились хриплые голоса рыбаков. Почти в то же самое время из-за форта Святого Филиппа выпрыгнуло солнце – выпрыгнуло в буквальном смысле, – похожее на сплюснутый лимон в утренней дымке, с видимым усилием оторвав от линии горизонта свою нижнюю часть. Не прошло и минуты, как серого полумрака, царившего в каюте, словно не бывало: на подволоке отражались отблески волн. Один луч, отраженный от неподвижной поверхности далекой набережной, ворвался в окна каюты и осветил мундир и сверкающий эполет Джека. Солнце переменяло и его мысли, превратив хмурое выражение лица в улыбку, и он тотчас соскочил с койки.

До доктора Мэтьюрина солнце добралось десятью минутами раньше, потому что его «каюта» была расположена гораздо выше. Он заворочался и отвернулся от его лучей, так как

тоже провел тревожную ночь. Но от яркого света никуда не деться. Он открыл глаза и огляделся в полном недоумении. Минуту назад он был в Ирландии и чувствовал себя очень счастливым, в тепле и уюте, в обществе молодой девушки, взявшей его под руку. Поэтому, проснувшись, он не мог понять, где находится. Он до сих пор ощущал прикосновение девичьей руки, даже запах ее духов и машинально коснулся смятых листьев *dianthus perfragens*. Запах стал совсем другим – это был аромат цветка, и только, а прикосновение призрака – твердое пожатие пальцев – исчезло. На лице его появилось несчастное выражение, глаза затуманились. Он был чрезвычайно привязан к девушке, которая олицетворяла то время...

Доктор Мэтьюрин был не готов к такому удару, перед которым не устояла броня его скепсиса, и в течение нескольких минут он сидел щурясь на солнце, с трудом унимая душевную боль.

– Господи, – произнес он наконец. – Еще один день. – И с этими словами лицо его стало более умиротворенным.

Поднявшись, он стряхнул белую пыль со своих панталон, снял сюртук, выбил его. И страшно расстроился, увидев, что кусок мяса, который он захватил во время вчерашнего обеда, запачкал жиром платок и карман. «Удивительное дело, – думал он. – Расстраиваться из-за такого пустяка. И тем не менее я расстроен». Сев на что-то, он принялся было за кусок бараньей котлеты, но задумался о теории противораздражителей, разработанной Парацельсом, Карданом и Рейзом. Доктор сидел в разрушенной апсиде часовни св. Дамиана, расположенной на северной стороне бухты и возвышавшейся над Порт Магоном. Внизу виднелся широкий, извилистый вход в гавань, а вдали простиралось море – всех оттенков синего цвета, рассекаемого полосами волн. Безупречное солнце, поднимавшееся со стороны Африки, только-только оторвалось от линии горизонта. В руинах доктор укрылся несколько дней назад, как только заметил, что домохозяин стал проявлять по отношению к нему признаки неучтивости. Стивен не стал дожидаться, пока тот устроит сцену: он слишком устал, чтобы выдержать нечто подобное.

Он заметил муравьев, тащивших крошки его хлеба. *Taripoma erraticum*. Они двигались двумя встречными колоннами по его перевернутому парикю, походившему на разоренное птичье гнездо, хотя некогда, в поместье Стивена, это был очень даже щегольской парик. Насекомые двигались торопливо, подняв свои брюшки, суется и сталкиваясь. Доктор наблюдал за беспокойными крохотными созданиями, а за ним в это время следила жаба. Их глаза встретились, и он улыбнулся. Это был великолепный экземпляр – фунта в два весом, с блестящими бурыми глазками. Как этому существу удалось выжить в такой местности – почти лишенной растительности, каменистой, опаленной солнцем, суровой и безжизненной, где укрытием служили лишь редкие груды бесцветных камней, несколько колючих кустов каперсника и ладанник, научного названия которого Стивен Мэтьюрин не знал? Особенно суровая местность выглядела из-за того, что зима 1799–1800 годов была необычно засушливой, дождей в марте не выпало и жара наступила очень рано. Он очень осторожно протянул палец и погладил жабу по горлу. Та слегка надулась, шевельнула сложенными крест-накрест лапками и стала невозмутимо разглядывать человека.

Солнце поднималось все выше и выше. Ночью было совсем не холодно, погода стояла теплая, ласковая. У хищных птиц, должно быть, где-то неподалеку гнездо: один из орлят парил в небе. В кустах, где доктор справлял нужду, лежала сброшенная змеей кожа, идеально сохранившая форму глазных отверстий.

– Как же мне отнестись к приглашению капитана Обри? – произнес вслух доктор Мэтьюрин, и голос его громко прозвучал в наполненной солнцем пустоте, которая особенно ощущалась здесь из-за того, что внизу кто-то жил и двигался, а тут ничто не тревожило покой похожих на разграфленные в клетку листы полей, сливавшихся вдали с бесформенными серовато-коричневыми холмами. – Кто знает, каково быть под его началом? И все же он был таким славным, общительным собутыльником. – Мэтьюрин улыбнулся, вспомнив их встречу. –

Только стоит ли придавать значение тому, что он сказал?.. Обед был просто великолепен: четыре бутылки вина, может, даже пять. Но допускать, чтобы тебя оскорбляли, не следует.

Он обдумывал ситуацию, не рассчитывая на исполнение надежд, но в конце концов заключил, что если ему удастся привести в относительный порядок свой сюртук, – а пыль, похоже, можно из него выбить, во всяком случае, скрыть ее, – то он зайдет в госпиталь к мистеру Флори и поговорит с ним о правах и обязанностях судового врача. Вытряхнув муравьев из парика, он надел его и направился к дороге, окаймленной гладиолусами и стеблями более высоких растений. Однако, вспомнив некое злополучное имя, замедлил шаг. Как он мог забыть про это? Отчего, очнувшись ото сна, он тотчас не вспомнил имя Джеймса Диллона?

– Правда, на свете сотни Диллонов, – размышлял он вслух. – И разумеется, многие из них – Джеймсы.

«Го-осподи помилуй...» – вполголоса напевал Джеймс Диллон, сбрывая со щек золотисто-рыжую щетину при лучах света, пробивавшихся через орудейный порт номер двенадцать. Молитва была выражением не столько набожности с его стороны, сколько надежды, что он не порежется. Ведь, подобно многим католикам, он легко относился к таким вещам, не считая их кошунством. Однако из-за того, что брить под носом было не так-то просто, он замолчал и, лишь выбрив верхнюю губу, запел вновь. Во всяком случае, он был излишне сосредоточен на том, чтобы вспомнить мелодию распева, если учесть, что вскоре ему предстояло представиться новому командиру – человеку, от которого зависели его комфорт и спокойное состояние ума, не говоря о репутации и карьерной перспективе.

Проведя рукой по гладко выбритому лицу, он торопливо вышел в кают-компанию и громко позвал морского пехотинца:

– Почисти-ка мне сзади мундир, Кертис! Спереди я его вычистил и сумку с книгами приготовил. – Затем спросил: – Капитан на палубе?

– Что вы, сэр, – отвечал морской пехотинец. – Я только несу ему завтрак. Два крутых яйца и одно всмятку.

Яйцо всмятку предназначалось для мисс Смит, чтобы поддержать ее силы после ночных трудов – это было известно и пехотинцу, и мистеру Диллону. Однако многозначительный взгляд морского пехотинца наткнулся на невозмутимое выражение лица офицера. Джеймс Диллон сжал губы, и, когда мгновение спустя он взбежал по трапу на шканцы, залитые солнцем, лицо у него стало сердитым. Здесь он поздоровался с вахтенным начальником и старшим офицером «Берфорда».

– Доброе утро. С добрым вас утром. Выглядите вы превосходно, – отозвались они. – Ваш новый корабль вон там, сразу за «Женерё».

Он оглядел гавань с множеством судов. Солнечные лучи падали почти горизонтально, поэтому мачты и реи выглядели необычайно внушительно, а от ряби на воде исходил ослепительный блеск.

– Нет, нет, не там, – сказали ему, – корпус его виден вон где. Он только что был закрыт фелюкой. А теперь видите?

Теперь он видел бриг. Диллон смотрел вдаль, поэтому не заметил «Софи», находившейся не более чем в кабельтове, совсем рядом. Опершись обеими руками о поручни, он внимательно, не мигая, разглядывал судно. Затем попросил у вахтенного офицера подзорную трубу и снова стал пристально изучать бриг. Заметил блеск эполета, владельцем которого мог быть лишь капитан, и экипаж, хлопотавший, словно рой пчел. Диллон рассчитывал увидеть сравнительно крупный корабль, а не такого карлика. Большинство четырнадцатипушечных бригов имели водоизмещение от двухсот до двух с половиной сотен тонн, а в «Софи» было не более полутора сотен.

– Мне нравятся ее небольшие шканцы, – заметил вахтенный офицер. – Ведь прежде это судно принадлежало испанцам и называлось «Венсехо», не так ли? Что же касается того, что

оно кажется довольно низкобортным, то с такого расстояния всякий корабль кажется низкобортным.

У «Софи» имелись три особенности, которые были известны всем. Во-первых, в отличие чуть ли не от всех других бригов, она имела шканцы; во-вторых, она прежде была испанским судном; в-третьих, на баке у нее была изготовленная из вяза помпа – по существу, полый ствол дерева, соединявшийся с морем и использовавшийся для окатывания палубы. Это было не ахти какое усовершенствование, но оно выделяло «Софи» из ее класса, поэтому всякий моряк, видевший помпу или слышавший о таком устройстве, не мог о нем забыть.

– Возможно, каюта у вас будет чуть тесновата, – продолжал помощник командира, – но я уверен, что у вас будет спокойная жизнь. Станете сопровождать торговые суда по Средиземному морю.

– Ну что ж... – отозвался Джеймс Диллон, не сумевший найти ответ на это, сделанное, по-видимому, с добрыми намерениями, замечание. – Что ж, – повторил он, по-философски пожав плечами. – Вы подадите мне шлюпку, сэр? Хотелось бы представиться командиру как можно раньше.

– Шлюпку? Черт бы меня побрал, – воскликнул вахтенный офицер, – вы бы еще баркас попросили. Пассажиры на «Берфорде» ждут, когда за ними придет лодочник-частник, мистер Диллон. А то и вплавь добираются до берега. – Вахтенный офицер строго посмотрел на Джеймса, но старшина-рулевой фыркнул и тем самым выдал начальника, так как мистер Коффин был большой шутник – он мог пошутить даже натошак, до завтрака.

– Позвольте представиться, сэр. Лейтенант Диллон. Прибыл для прохождения службы, – произнес Джеймс Диллон, щурясь от яркого солнца, и снял треуголку, обнажив копну темно-рыжих волос.

– Добро пожаловать, мистер Диллон, – отозвался Джек Обри, прикоснувшись к полям своей треуголки, и пронзительным взглядом окинул прибывшего, желая понять, что это за птица. – Я был бы рад встретиться с вами в любом случае, но сегодня особенно, поскольку нам предстоит тяжелый день. Эй, на мачте! Есть ли признаки жизни на верфи?

– Никак нет, сэр.

– Ветер дует именно оттуда, откуда мне нужно, – сказал Джек, в сотый раз посмотрев на редкие белые облака, плывущие по чистому небу. – Только, судя по барометру, это ненадолго.

– Ваш кофе, сэр, – произнес буфетчик.

– Спасибо, Киллик. В чем дело, мистер Лэмб?

– Нигде не смог найти достаточно длинных рым-болтов, сэр, – отвечал плотник. – Но на верфи их целая куча, я это знаю. Можно, я пошлю кого-нибудь?

– Упаси вас бог, мистер Лэмб. Даже не вздумайте приближаться к верфи. Используйте болты, какие у вас есть. Раздуйте горн и выкуйте подходящие болты. Вы за полчаса справитесь. А вы, мистер Диллон, устраивайтесь внизу, а затем прошу на чашку кофе. Я расскажу вам о своих планах.

Джеймс поспешно спустился в треугольную каюту, в которой ему предстояло жить, скинул с себя парадный мундир. Надев старые панталоны и потертый синий сюртук, он очутился в кают-компании, где за столом сидел Обри, с задумчивым видом дуя на свою чашку.

– Присаживайтесь, мистер Диллон, – воскликнул он, – присаживайтесь. – Отодвиньте эти бумаги в сторону. Кофе не ахти какой, но, во всяком случае, он горячий. Это то немногое, что я вам могу обещать. Сахар?

– Прошу прощения, сэр, – вмешался юный Риккетс. – К борту подошел вельбот с «Женерё» с нашими бывшими людьми, нанятыми для несения службы в гавани.

– Всеми?

– Всеми, кроме двоих, сэр, которых заменили.

Не выпуская из рук чашки с кофе, Джек Обри с трудом вылез из-за стола и протиснулся через дверь. С левого борта у якорь-цепи ошвартовался вельбот с «Женерё», наполненный матросами, которые, задрав головы, обменивались шутками с прежними товарищами или же просто кричали им и свистели. Отдав честь капитану Обри, мичман с «Женерё» произнес:

– Капитан Харт передает свои поздравления и шлет пополнение.

«Да благословит Господь ваше доброе сердце, милая Молли», – мысленно проговорил Обри, а вслух сказал:

– Передайте привет и искреннюю благодарность капитану Харту. Извольте приказать морякам подняться на борт.

Глядя, как горденем, пропущенным через блок на ноке рея, грузили на бриг их жалкие пожитки, Джек Обри думал о том, что новые члены команды не ахти какой подарок. Трое или четверо явно недотепы, у двух остальных был вид чуть посмышленей, и, зная это, они уже норовили задрать носы. Двое из тех, что казались простофилями, были грязны, как мусорщики, а один из новичков ухитрился обменять свою робу и щеголял в красной куртке со следами золотого шитья. И все-таки у каждого было по паре рук, они могли тянуть канаты, и было бы странно, если бы боцман и двое его помощников не заставили их вкалывать как следует.

– Эй, на палубе! – воскликнул мичман. – На верфи кто-то появился.

– Отлично, мистер Бабингтон. Можете спуститься и позавтракать. Шесть матросов, которых я не надеялся досчитать, – удовлетворенно заметил Обри, обращаясь к Джеймсу Диллону, и направился к двери. – Ничего особенного, но дареному коню в зубы не смотрят. Правда, если не достать корыто и не отскоблить их как следует, то завшивеет вся команда. Но сняться с якоря они нам помогут. А сняться с якоря я рассчитываю, самое позднее, в половине десятого. – Джек Обри постучал по обитому медью рундуку и продолжил: – Мы захватим пару длинноствольных двенадцатифунтовых пушек, если удастся получить их в арсенале. Но в любом случае я намерен вывести бриг из гавани, пока дует ветер, чтобы проверить его резвость. Нынче вечером начнем конвоирование в Кальяри двенадцати «купцов», если они все здесь собрались. Так что надо проверить мореходные качества судна. Слушаю вас, мистер... мистер...

– Пуллингс, сэр. Помощник штурмана. К нам пришвартовался баркас с «Берфорда» с пополнением.

– С пополнением? Сколько их?

– Восемнадцать человек, сэр, – ответил Пуллингс, у которого едва не вырвалась фраза: «Причем некоторые из них отъявленные пьянчуги».

– Вы что-нибудь знаете о них, мистер Диллон? – спросил Обри.

– Мне известно, что на «Берфорде» были матросы с «Шарлотты», а также с других судов, предназначавшиеся для службы в гавани Магона, сэр. Но я не слышал, чтобы кого-то из них собирались направить на «Софи».

У Джека Обри чуть не вырвалось: «А я-то боялся, что останусь без экипажа», но он лишь фыркнул, удивляясь тому, что на него свалилась такая прорва людей. Затем его словно озарило: «Леди Уоррен».

– Теперь я отправлюсь на верфь, мистер Диллон, – проговорил Обри. – Мистер Хед – человек деловой и через полчаса сообщит мне, получу я пушки или нет. Если получу, то махну вам платком, и вы тотчас сможете заводить верпы. В чем дело, Ричардс?

– Сэр, – отозвался побледневший писарь. – Мистер казначей говорит, что отныне я должен буду каждый день приносить вам на подпись расписки и письма, а также чистовик приходно-расходной книги.

– Совершенно верно, – любезно отозвался Джек Обри. – Каждый божий день. И вскоре вы научитесь разбираться, какой день божий, а какой – нет. – Взглянув на часы, он добавил: – Вот счета от поставщиков. Остальное покажете мне в следующий раз.

То, что происходило на палубе, напоминало сцену на оживленном Чипсайде: две партии под руководством плотника и его помощников подготавливали место для установки на носу и на корме погонных и ретиральных пушек. Там же стояли кучки новичков со своими пожитками. Одни с интересом наблюдали за работой, то и дело отпуская замечания; другие с рассеянным видом глядели на небо, словно видели его впервые. А кое-кто даже умудрился влезть на шканцы – святая святых любого военного корабля.

– Черт побери, что за бардак? – рявкнул капитан. – Мистер Уотт, это же корабль Его Величества, а не плавающий цирк. Эй, ты, марш на бак!

Какое-то время, пока вспышка праведного капитанского гнева не заставила их зашевелиться, унтер-офицеры «Софи» невесело смотрели на командира. До его слуха донеслись слова: «Такой уж это народец».

– Я отправляюсь на берег, – продолжал Обри. – Когда вернусь, палуба должна выглядеть иначе.

Все еще кипя, он спустился в баркас вслед за мичманом.

«Неужели они думают, что я оставлю на берегу толкового матроса, если есть шанс запихнуть его на судно? – подумал он про себя. – Конечно, от трех вахт придется отказаться. Но даже в этом случае трудно будет найти четырнадцать дюймов для лишней койки».

Трехвахтенная система представляла собой гуманное изобретение, позволявшее матросам время от времени спать всю ночь, меж тем как при двух вахтах самое большее, на что они могли рассчитывать, это четыре часа сна. С другой стороны, получалось так, что половина экипажа имела в своем распоряжении все пространство в кубриках, чтобы повесить там свои койки, пока другая половина работала на палубе. «Восемнадцать плюс шесть равно двадцати четырем, – подсчитывал Джек Обри. – Прибавим к ним пятьдесят или около того и получим семьдесят пять». Он умножил эту цифру на четырнадцать, поскольку по уставу на каждую койку полагалось по четырнадцать дюймов. И очень засомневался, найдется ли на борту «Софи» столько места, как это требуется уставом. Обри был все еще погружен в расчеты, когда послышалась команда мичмана:

– Табань. Суши весла. – И вельбот мягко ткнулся носом в стенку верфи.

– Возвращайтесь на судно, мистер Риккетс, – поддавшись порыву, произнес Обри. – Не думаю, что я задержусь надолго, а вы сэкономите время.

Однако из-за пополнения с «Берфорда» он задержался и был вынужден ждать своей очереди, поскольку другие командиры успели прибыть раньше. В лучах яркого утреннего солнца он прогуливался взад-вперед в обществе моряка с таким же, как у него, эполетом. Это был Мидлтон, человек, обладавший энергией, которая позволила ему вырвать у судьбы назначение капитаном на «Вертюез» – отличный французский капер, который должен был принадлежать Джеку Обри, если бы, конечно, в мире существовала справедливость. Обменявшись новостями о том, что происходит на Средиземном море, Джек заметил, что прибыл за тем, чтобы раздобыть пару двенадцатифунтовых пушек.

– Вы считаете, что ваш бриг выдержит такую тяжесть? – спросил Мидлтон.

– Надеюсь. Из ваших четырехфунтовых пушек только по воробьям стрелять, зато лафеты отменно прочны – я бы от таких не отказался.

– Ну что ж, пусть вам повезет, – отозвался Мидлтон, кивнув головой. – Во всяком случае, вы прибыли в подходящий момент. По-моему, Хеда ставят в подчинение к Брауну, и он до того зол, что распродает все свое добро, словно жена рыборотговца в последний день ярмарки.

До Джека Обри успели дойти слухи о подобном обороте, который приняла многолетняя распря между советом вооружений и советом Адмиралтейства. Ему хотелось услышать что-нибудь новенькое, но тут из помещения с сияющим лицом вышел капитан Холлиуэл, и Мидлтон, в котором вдруг проснулась совесть, произнес:

– Уступаю вам свою очередь. У меня такой длинный список нужных мне вооружений, что на их перечисление уйдет вечность.

– Доброе утро, сэр, – поздоровался Джек, входя в помещение арсенала. – Я Обри, командир «Софи», и хотел бы, с вашего позволения, получить пару двенадцатифунтовых пушек.

– А вы знаете, сколько они весят? – отозвался мистер Хед, не изменяя меланхолического выражения лица.

– По-моему, что-то около тридцати трех центнеров.

– Тридцать три центнера три фунта три унции и три пеннивейта. Берите хоть дюжину, капитан, если хотите скорее пойти ко дну.

– Благодарю вас. Двух будет достаточно, – ответил Обри с опаской: уж не потешаются ли над ним?

– Тогда они ваши. Забирайте их – но только на свой страх и риск, – сказал мистер Хед и сделал какую-то запись на клочке пергамента. – Передайте это старшему кладовщику, и он вывезет вам пару таких славных пушчонок, что просто пальчики оближешь. У меня еще и мортиры есть – не желаете?

– Весьма признателен вам, мистер Хед, – жизнерадостно отозвался Обри. – Главным образом, желаю, чтобы и впредь ваша служба протекала так же гладко.

– И я того же желаю, капитан, – внезапно побагровев, отрезал мистер Хед. – Есть такие хитрозадые, подлые людишки – играющие на флейте, пиликающие на скрипке, ожидающие подачек. Чумные канцелярские крысы, готовые заставить вас ждать месяцами. Но я не такой, как они. Честь имею. Капитан Мидлтон, насколько я понимаю, вам нужно огнестрельное оружие?

Снова оказавшись на солнце, Джек Обри подал знак и между мачтами и реями разглядел стоявшую на салинге фигуру. Согнувшись, как бы в приветствии, она соскользнула по штагу вниз, словно бусинка по нитке.

Быстрота – таков был девиз мистера Хеда, но старший кладовщик, похоже, не знал, что это такое.

– О таких игрушках можно только мечтать, – произнес он, поглаживая вингард ствола, после того как капитан расписался в получении орудий.

Однако вскоре его настроение изменилось. Нужно признать, что впереди Джека Обри были другие капитаны, которым нужно было получить вооружение калибром поменьше, препятствовавшее доступу к двенадцатифунтовым пушкам, а людей катастрофически не хватало.

«Софи» давно подошла к верфи и встала прямо под грузовыми стрелами. Шума и гама на ней было больше прежнего, больше, чем допускала даже ослабленная в порту дисциплина. Обри был уверен, что некоторые из матросов успели налакаться. Самые любопытные перегнулись через фальшборт и разглядывали своего командира, который расхаживал взад-вперед, поглядывая то на часы, то на небо.

– Черт бы меня побрал, – воскликнул он, хлопнув себя по лбу. – Ну что за идиот. Совсем забыл про масло. – Круто повернувшись, он поспешил к складу, откуда доносился жуткий скрип: это старший кладовщик и его помощники устанавливали на лафеты легкие пушки для Мидлтона. – Старший кладовщик! – позвал Обри. – Взгляните-ка на мои двенадцатифунтовые орудия. Я так закрутился, что забыл их смазать. – С этими словами он положил по золотой монете на запальные отверстия, после чего на лице кладовщика появилось одобрительное выражение. – Если бы мой канонир не захворал, то он бы напомнил мне об этом, – добавил капитан.

– Спасибо, сэр. Так уж заведено, признаюсь, не по душе мне, когда старые обычаи исчезают, – заметил кладовщик по-прежнему недовольным голосом, но затем, просветлев, произнес: – Вы сказали, что торопитесь, капитан? Посмотрю, что смогу для вас сделать.

Пять минут спустя носовая пушка, аккуратно подцепленная за «ухо» откатных талей, боковые «уши», винград и дуло, поднялась над полубаком «Софи» и плавно опустилась в полудюйме от места ее установки. Джек Обри и плотник встали на четвереньки, словно занятые какой-то игрой, чтобы услышать звук, который произведут бимсы и стрингеры, как только стрела перестанет поддерживать груз. Джек Обри, подняв руку, командовал:

– А теперь очень аккуратно опускайте.

На судне воцарилась полная тишина, весь его экипаж внимательно наблюдал за происходящим. Даже матросы, таскавшие воду, застыли на месте с ведрами в руках. То же произошло и с людьми, вставшими в цепь и перекатывавшими двенадцатифунтовые ядра с берега на борт судна, а затем в арсенальную камеру. Пушка опустилась и прочно встала на место. Послышался глухой, но неопасный треск, и судно получило небольшой дифферент на нос.

– Превосходно, – заключил Джек Обри, убедившись, что пушка заняла обведенный мелом контур. – Места вокруг достаточно, просто уйма места, честное слово, – сказал он, сделав шаг назад.

Помощник старшего канонира отступил, чтобы его не сбили с ног, но столкнулся в тесноте с соседом, и так пошло-поехало по цепочке дальше. Дело кончилось тем, что одного юнгу покалечили, а второй едва не утонул.

– А где боцман? – поинтересовался Обри. – Мистер Уотт, позвольте, я взгляну на тали. На этот блок нужен строп попрочнее. А где строп на казенник?

– Почти готов, сэр, – отвечал вспотевший, задерганный боцман. – Я вплесниваю²¹ коуш²².

– Хорошо, – отозвался капитан, спеша на корму, где над шканцами повисла кормовая ретирадная пушка, готовая пробить судну днище, если сила тяжести возьмет свое. – Думаю, такая нехитрая работа, как вплеснить коуш, не отнимет много времени у боцмана военного судна. Заставьте этих людей работать, мистер Лэмб, прошу вас. Нечего им баклуши бить. – Снова посмотрев на часы, а затем на веселого молодого помощника боцмана, он продолжал: – Мистер Моуэт, вы знаете кофейню Хоселито?

– Так точно, сэр, – ответил Моуэт, сразу же посерьезнев.

– Будьте добры, сходите туда и попросите доктора Мэтьюрина. Передайте ему привет и скажите, что к обеду мы в порт не вернемся. Но я пошлю за ним вечером шлюпку, к тому времени, какое он укажет.

К обеду в порт они действительно не вернулись. Да это было бы просто невозможно, поскольку «Софи» еще не успела покинуть его: она неспешно проталкивалась среди множества судов, двигаясь к фарватеру. Одно из преимуществ небольшого корабля заключается в том, что, имея в своем распоряжении столько матросов, можно было выполнять маневры, которые не под силу ни одному линейному кораблю. Джек Обри предпочел медленно ползти, чем тащиться на буксире или нестись на всех парусах с незнакомой, разношерстной и недружной пока командой.

В открытом канале он сам обошел на веслах вокруг «Софи». Изучил судно со всех сторон и в то же время взвесил преимущества и отрицательные последствия того, что он отправит всех женщин на берег. Отыскать их будет нетрудно, пока матросы обедают. Это были разбитные местные девки, решившие поразвлечься и заработать денег на карманные расходы – словом, полупрофессиональные шлюхи. Если выгнать кого-то из них сейчас, а затем, перед самым выходом в море, и остальных, то, глядишь, и осадка будет повыше. Женщины на борту ему не нужны. Они приносят только хлопоты, а с этим новым пополнением хлопот и так будет хоть отбавляй. С другой стороны, среди команды не было заметно ни рвения, ни жизнерадостности, и Джеку не хотелось подливать масла в огонь. Он знал, что моряки консервативны как коты:

²¹ Вплеснивать – вязывать (*проф. мор.*).

²² Коуш – крепежное кольцо (*проф. мор.*).

они могут смириться с тяжким трудом и невероятными лишениями, но начини грубо ломать их привычки – и они взбунтуются.

Судно сидело очень низко в воде, имея небольшой дифферент на нос и крен на левый борт, – весь лишний вес следует держать ниже ватерлинии. Но он должен проверить, как оно управляется.

– Прикажете отправить экипаж обедать, сэр? – спросил Джеймс Диллон, когда Джек Обри снова поднялся на борт.

– Нет, мистер Диллон. Мы должны воспользоваться этим ветром. После того как обогнем мыс, люди могут спуститься вниз. Как пушки – установлены и закреплены?

– Так точно.

– Тогда поднимем паруса. Пойдем галсами. Свистать всех наверх!

Боцман поспешил на бак под топот множества ног и гул голосов.

– Новички вниз. И не шуметь!

Снова слышался топот ног. Штатная команда корабля в полном молчании заняла свои места. С борта «Софи» за кабельтов был отчетливо слышен голос:

– Ставим паруса.

Бриг плавно покачивался на волнах. Остальные суда оказались по правой раковине²³, а залитый солнцем город остался по корме. Бриз, дувший чуть позади левого траверза, подталкивал корабль с кормы.

– Всем наверх! – крикнул Джек Обри. Команду повторили, и тотчас ванты потемнели от множества матросов, взбегавших вверх, словно по лестнице у себя дома.

– По реям. Поднять паруса! – Снова слышались команды боцмана, и марсовые побежали по реям. Сняв чехлы и развязав линии, туго прижимавшие к реям паруса, взяв плотную ткань под мышки, они выжидали.

– Выбрать шкоты!.. Поднять паруса!.. Веселей наверху, не мешкать!.. Взять паруса на гитовы!.. Навалиться на шкоты!.. Отставить!

Порыв ветра, наполнивший верхние паруса, слегка накренил «Софи», затем еще и еще, всякий раз все настойчивей, и за бортом заструилась вода. Джек Обри и его помощник переглянулись: все получилось неплохо, лишь с фор-брамселем вышла задержка, потому что было неясно, кого следовало считать «новичками» и к кому из шестерых вернувшихся членов команды «Софи» относилось это пренебрежительное определение, в результате чего на рее возник ожесточенный молчаливый спор. Оттого постановка паруса была судорожной, но не вызвала усмешки ни у кого в гавани. В утренней суматохе были моменты, когда капитан с помощником боялись именно этого.

«Софи» расправила крылья, напоминая скорее неторопливого голубя, чем быстрого сокола, однако никто из знатоков на берегу не выразил неодобрения. Что касается обыкновенных зевак, то они настолько насытились зрелищем прибывающих и отплывающих судов, что отнеслись к их уходу с полным безразличием.

– Прошу прощения, сэр, – коснувшись полей треуголки, произнес Стивен Мэтьюрин при виде морского офицера на набережной. – Вы не могли бы сообщить мне, где находится судно под названием «София»?

– Корабль флота Его Величества, сэр? – отозвался моряк, откозыряв в ответ. – Военный корабль? Но корабля с таким названием нет. Возможно, вы имеете в виду шлюп, сэр? Шлюп, он же бриг, под названием «Софи»?

– Вполне возможно, сэр. Никто не может сравниться со мной в незнании морских терминов. Судном, которое я имел в виду, командует капитан Обри.

²³ Правая раковина – правая сторона кормовой части судна (*проф. мор.*).

– Он самый. Это шлюп. Четырнадцатипушечный шлюп. Он находится почти перед вами, сэр. В створе с белым домиком на мысу.

– Судно с треугольными парусами?

– Нет. Это полакр-сетти. Шлюп находится чуть левее и подальше.

– Низенький двухмачтовый «купец»?

– Видите ли, – с усмешкой отозвался офицер, – судно действительно низковато сидит в воде, но это военный корабль, уверяю вас. И мне кажется, что он собирается ставить паруса. Так оно и есть. Ставят марсели. Поднимают рей. Тали на грота-штаге. Что же стряслось? Но вот все в порядке. Не очень гладко, но хорошо, что все хорошо кончается, а маневры на «Софи» никогда не выполнялись слишком быстро. Видите, она набирает ход. Доберется до устья гавани, не меняя галса.

– Судно отплывает?

– Совершенно верно. Оно уже делает три узла, может, даже четыре.

– Премного обязан вам, сэр, – ответил Стивен, приподнимая шляпу.

– К вашим услугам, сэр, – отозвался моряк, также приподнимая треуголку. Затем посмотрел вслед собеседнику. «Надо было спросить, здоров ли он, – подумал офицер. – Но я спохватился слишком поздно. Похоже, теперь он стоит на ногах довольно твердо».

Стивен спустился к набережной, чтобы выяснить, можно ли добраться до «Софи» пешком или же придется нанимать шлюпку, чтобы выполнить свое обещание прибыть к обеду. Разговор с мистером Флори убедил его, что обещание следует сдержать, да и к более важному предложению нужно отнестись со всей серьезностью. До чего же учтивым, более чем учтивым оказался Флори! Он объяснил ему постановку дела с медицинской службой на королевском флоте, отвез его к мистеру Эдвардсу с «Кентавра», выполнявшему весьма интересную операцию по ампутации, и развеял его сомнения относительно недостаточного опыта как хирурга. Одолжил ему книгу Блейна о типичных болезнях моряков, а также *Libellus de Natura Scorbuti*²⁴ Хульма, «Надежные средства» Линда и «Морскую практику» Норткота и обещал достать самые нужные инструменты, пока он не получает жалованья и не имеет официальной должности: «В госпитале валяются дюжины зажимов, пинцетов, пил и прочих инструментов».

Стивен окончательно убедил себя в необходимости поступить на службу морским врачом. Сила чувств, которые он испытал при виде «Софи», ее белых парусов и низко сидящего корпуса, скользящего по волнам, показала ему, с каким нетерпением он желал перемены мест, новой жизни и более тесного знакомства с его новым другом, который сейчас мчится к карантинному острову.

Стивен побрел по городу в странном состоянии ума: за последнее время он перенес столько разочарований, что вряд ли смог бы выдержать еще одно. Хуже того, он опустил руки, перестал сопротивляться. И пока собирался с духом, чтобы прийти в себя, он не заметил, как прошел мимо кофейни Хоселито, откуда слышались голоса:

– Вон он! Окликните его. Бегите, вы его догоните.

В то утро Мэтьюрин не зашел в кофейню: пришлось выбирать между чашкой кофе и шлюпкой, чтобы добраться на ней до «Софи». Оттого-то и не нашел его здесь мичман, кинувшийся следом за ним.

– Доктор Мэтьюрин? – спросил его молодой офицер, который сначала опешил, увидев бледного господина со взглядом рептилии. Однако сообщение он передал и с облегчением отметил, что у того гораздо более человеческий взгляд.

– Весьма любезно с вашей стороны, – сказал Стивен. – Как вы полагаете, сэр, когда мне удобнее будет прийти?

– Думаю, часов в шесть, сэр, – отозвался Моуэт.

²⁴ Тракта́т о природе цинги (лат.).

– Тогда в шесть часов я буду у входа в гостиницу «Корона», – произнес доктор. – Премного обязан вам, сэр, что вы потрудились отыскать меня. – Оба раскланялись, и Стивен произнес про себя: «Схожу в госпиталь, помогу мистеру Флори: у него сложный перелом выше локтя. Потребуется хирургическое вмешательство. Давненько я не пилил костей», – с довольной улыбкой заключил он.

Мыс Мола находился по левой раковине шлюпа; порывы ветра, сменявшиеся периодами безветрия, вызванными рельефом извилистого северного берега с его горами и равнинами, перестали докучать экипажу, а дувший с норд-тень-оста почти устойчивый ветер подгонял в сторону Италии «Софи», которая шла под прямыми парусами, топселями и брамселями, взяв на них по рифу.

– Держите судно как можно ближе к ветру, – сказал Джек Обри. – Сколько оно даст узлов, мистер Маршалл? Шесть?

– Сомневаюсь, сэр, что шесть, – отозвался штурман, покачав головой. – Сегодня бриг идет не слишком резво, ведь нос несколько перегружен.

Джек Обри встал на руль, и в эту минуту порыв ветра со стороны острова резко накренил корабль, так что белые гребни волн лизнули фалышборт с подветренной стороны. С капитана сорвало треуголку, и его соломенные волосы как флюгер указали на зюйд-зюйд-вест. Штурман кинулся за треуголкой, выхватил ее у матроса, который успел поймать головной убор сачком, и, старательно вытерев кокарду, встал рядом с Джеком Обри, почтительно держа треуголку в обеих руках.

– Так и рассыпаются перед ним мелким бесом, – заметил фор-марсовый Джон Лейн, обращаясь к своему приятелю Томасу Гроссу. Тот кивнул головой, но не выразил неодобрения. Сцена их позабавила, а до ее оценки им не было дела.

– Надеюсь, он не станет из нас веревки вить. Это все, что я могу сказать, дружище, – отозвался Гросс.

Джек Обри повернул руль, чтобы судно, пока не стих свежий порыв, увалило под ветер, а затем стал снова приводить его к ветру. Сжимая рукоятки штурвала, он впервые почувствовал связь с «Софи», дрожь, которая передавалась ему от пера руля, слышал звук, похожий на пение, к которому присоединялось множество других звуков – поскрипывание, гул корпуса и такелажа. Бодрящий свежий ветер овеивал ему левую щеку, и когда он навалился на руль, то «Софи» тотчас отозвалась – гораздо быстрее, чем он ожидал. Джек все ближе приводил ее к ветру. Все находившиеся на палубе смотрели вверх и вперед: наконец, несмотря на то что форштаг натянулся как скрипичная струна, фор-брамсель затрепетал, и Джек Обри увалил под ветер.

– Ост-тень-норд, полрумба к норду, – заметил он с удовлетворением. – Так держать, – обратился он к рулевому и отдал давно ожидаемое всеми приказание свистать всех к обеду.

Обед. А между тем «Софи», круто приведенная к ветру, шла левым галсом в открытое море. Миля за милей оставались за кормой, проводя белый след прямой как стрела кильватерной струи, уходившей почти точно на восток. Джек Обри с одобрением смотрел на нее из кормового иллюминатора: почти никакого сноса, видно, что судном управляет твердая рука. Обри обедал в одиночестве. Это была спартанская трапеза: баранье рагу с капустой. Лишь сейчас он понял, что ему не с кем поделиться многочисленными наблюдениями, которые приходили на ум, во время его первого капитанского обеда. Он едва удержался от того, чтобы пошутить по этому поводу, обратившись к буфетчику. Но что дозволено лейтенанту – не дозволено капитану. «Со временем я привыкну к этому», – утешил он себя и с наслаждением посмотрел на море.

Пушки оказались неудачным приобретением. Даже половинный заряд давал погонному оружию такую отдачу, что после третьего выстрела прибежал бледный и озабоченный плотник. Забыв про всякую субординацию, он закрыл ладонью запальное отверстие.

– Не стреляйте, сэр! – воскликнул он. – Видели бы вы эти несчастные кницы. А течь появилась в пяти разных местах. Боже мой, боже мой! – Бедный малый подбежал к болтам, крепившим орудие: – Так и знал. Бугель наполовину вошел в этот старый бимс. Почему же ты не сказал мне, Том? – с укором посмотрел плотник на своего помощника.

– Не посмел, – отозвался Том, опустив голову.

– Так не пойдет, сэр, – продолжал плотник. – С таким-то корпусом. С такой-то палубой.

Джек Обри почувствовал, как в нем закипает гнев. Он оказался в смешном положении: на полубаке полно народу, а плотник ползает в ногах и о чем-то умоляет, показывая на швы. Так с командиром не разговаривают. Но мистер Лэмб был искренне встревожен, и тут Обри ничего не мог поделать, тем более что в душе разделял эту тревогу. Сила отдачи, весь вес металла, направленный назад, были чересчур велики для «Софи». Кроме того, оба эти орудия со всеми их принадлежностями занимали слишком много места на и без того тесном корабле. Но он был страшно разочарован: ведь двенадцатифунтовое орудие способно поразить противника с пятисот ярдов, осыпать его дождем смертоносных осколков, разmozжить рей, нанести большой урон. Он стал прикидывать различные возможности. А четырехфунтовая пушка с любого расстояния...

– А если бы вы выстрелили еще и из ретиральной пушки, – с храбростью отчаяния продолжал мистер Лэмб, по-прежнему стоявший на четвереньках, – то обшивка разлезлась бы по швам, как гнилая тряпка.

Подойдя к своему начальнику, помощник плотника Уильям Джевонс прошептал ему так, что этот шепот можно было услышать на топе мачты:

– В льялах фут воды.

Встав на ноги, плотник надел шляпу и, откозыряв, доложил:

– Вода в льялах поднялась на фут, сэр.

– Хорошо, мистер Лэмб, – спокойно ответил Обри. – Мы ее откачаем. Мистер Дей, – обратился он к старшему канониру, который выполз на палубу, слышав выстрелы из двенадцатифунтовой пушки. (Даже если бы он лежал в гробу, то они заставили бы его подняться и оттуда.) – Мистер Дей, прошу вас, прикажите прочистить и зачехлить орудия. А вы, боцман, займитесь цепной помпой.

С сожалением похлопав по теплomu стволу двенадцатифунтовой пушки, капитан отправился на корму. Вода в льялах не слишком тревожила его: судно быстро несло вперед, рассекая короткие волны, и набрало бы воды и без стрельбы. Что его расстраивало, так это погонное и ретиральное орудия, и он с раздражением глядел на грота-рей.

– Вскоре придется убрать брамсели, мистер Диллон, – сказал Джек, поднимая клин.

Он произнес эти слова скорее формальности ради, поскольку прекрасно понимал, где они находятся: руководствуясь чувством, которое развивается в настоящих морях, он спиной ощущал присутствие темной массы земли за горизонтом, за его правой лопаткой. Судно шло круто к ветру, и, судя по вычислениям, они шли галсами почти одинаковой протяженности: сначала курсом ост-норд-ост, а затем – вест-норд-вест. Галсы они меняли пять раз («Софи» ложилась на новый курс не так быстро, как этого ему хотелось) и однажды произвели поворот через фордевинд. Развивали скорость семь узлов. Такого рода расчеты он легко держал в уме, и как только ему понадобился ответ, он был готов: «Продолжать идти этим курсом в течение получаса, а потом лечь почти на фордевинд, румба два не доходя до него. Таким образом мы окажемся дома».

– Теперь неплохо бы убавить парусов, – заметил Джек Обри. – Мы пойдем таким курсом в течение получаса. – С этими словами он спустился вниз, рассчитывая разобраться с огромной кипой неотложных бумаг.

Помимо документации на снабжение и денежных ведомостей, следовало заняться шка-нечным журналом, который мог рассказать о прежней истории судна, а также судовой ролью,

которая порассказала бы об экипаже. Он принялся перелистывать страницы: *«Воскресенье, 22 сентября 1799 г. ветры от NW, W, S. Курс N40°W, дистанция 49 миль, широта 37°59'N, долгота 9°38'W. Мыс Сент-Винсент по пеленгу S27E, 64 мили. 12.00, свежие шквалистые ветры с дождем, время от времени ставили паруса и брали рифы. 00.00, штормовые ветры, в 4.00 убрали грот, в 6.00 в зюйдовой части горизонта заметили незнакомый парусник, в 8.00 ветер ослаб до умеренного. Взяв рифы на гроте, поставили его, в 9.00 вели переговоры с парусником по семафору. Это был шведский бриг, направлявшийся в балласте в Барселону. В полдень погода стихла, повернули по компасу».*

Десятки записей о службе подобного рода и о конвойной работе. Простые, ничем не примечательные, ежедневные операции, которые составляют службу на девяносто процентов, если не больше. *«Экипаж занят разными работами, читал военные сводки... участвовали в конвойных операциях. Поставлены брамсели, взяты вторые рифы на марселях. В 6.00 передал шифрованный сигнал двум линейным кораблям, которые ответили. Поставлены все паруса, экипаж занимается приборкой... время от времени лавировали, взяли третий риф на грота-марселе... свежий ветер, обещающий стихнуть... стирали койки. Провел переключку по вахтам, читал военные сводки и наказал за пьянство Джозефа Вуда, Дж. Лейки, Мэтт. Джонсона и Уил. Масгрейва двенадцатью ударами линька... 12.00, итилевая погода, туман, в 5.00 спустил шлюпки, чтобы отбуксировать судно подальше от берега, в половине 6-го бросил стояночный якорь, мыс Мола на пеленге S6W, дистанция 5 лиг. В половине 8-го внезапно налетел шквалистый ветер, пришлось обрубить якорный канат и поднять паруса... читал военные сводки и провел литургию... наказал Дж. Сеннета 24 ударами линька за неповиновение... Фр. Бечелл, Роб. Уилкинсон и Джозеф Вуд наказаны за пьянство...»*

Множество записей подобного рода: хватало телесных наказаний, но ничего особенного, к сотне ударов никто не был приговорен. Эти записи расходились с его первым впечатлением об излишней мягкости, царившей на судне. Надо будет более внимательно отнестись к этой проблеме. А вот и судовая роль: *«Джеф. Уильямс, матрос второго класса, родился в Бенгалии, поступил добровольцем в Лиссабоне 24 августа 1797 г., сбежал 27 марта 1798 г. в Лиссабоне. Фортунато Карнелья, мичман, 21 год, родился в Генуе, 1 июня 1797 г. уволен согласно письменному распоряжению адмирала Нельсона. Сэм. Уиллси, матрос первого класса, родился на Лонг-Айленде, поступил добровольцем в Порто 10 октября 1797 г., сбежал с судна в Лиссабоне 8 февраля 1798 г. Патрик Уэйд, необученный матрос, 21 год, нанялся 20 ноября 1796 г. в Порто Феррайо, уволен 11 ноября 1799 г. и передан прокурору по распоряжению капитана Дарли. Ричард Саттон, лейтенант, принят на службу 31 декабря 1796 г. по распоряжению адмирала Нельсона, вычеркнут из списков личного состава по причине смерти в бою с французским капером 2 февраля 1798 г. Ричард Уильям Болдик, лейтенант, принят на службу 28 февраля 1798 г. по рекомендации графа Сент-Винсента, отчислен 18 апреля 1800 г. в связи с переводом на „Паллас“ по распоряжению лорда Кейта».*

В графе «Вещи умерших» напротив фамилии Саттон стояла сумма в 8 фунтов 10 шиллингов 6 пенсов, очевидно полученная при распродаже у грот-мачты.

Но Джек Обри не мог позволить, чтобы его мысли оставались прикованными к разграфленному столбцу. Его неудержимо влекло к себе иное зрелище: синее море, более темного оттенка, чем небо, сверкающее в кормовом иллюминаторе. В конце концов он захлопнул судовую роль и стал наслаждаться представшей ему картиной. Он думал о том, что при желании мог бы поспать; оглядевшись вокруг, стал наслаждаться одиночеством – этой редчайшей привилегией в море. Служа лейтенантом на «Женерё» и других крупных судах, он, разумеется, мог сколько угодно смотреть в иллюминаторы кают-компаний, но при этом никогда не оставался один, всегда ощущая деятельное присутствие сослуживцев. Ему было по душе капитанское одиночество, но получилось так, что именно теперь ему не хватало дружеской поддержки. У него был слишком живой и беспокойный ум, чтобы оценить возможность быть наедине с

собой, хотя он и чувствовал преимущества такого положения. Едва пробило четыре склянки, как он уже был на палубе.

Диллон и Маршалл стояли на правом борту у бронзовой четырехфунтовой пушки, очевидно обсуждая какой-то элемент оснастки, видимый с этой точки. При его появлении они перешли на левый борт, предоставив капитану привилегированную часть шканцев. С ним это произошло впервые: сначала он был обрадован как ребенок, хотя не ожидал такого жеста и не думал о нем. Но в то же время он был лишен общества – хотя можно было позвать Джеймса Диллона. Джек Обри раза два или три повернулся, разглядывая реи: они были обрасоплены втугую, насколько позволяли ванты фок- и грот-мачты, но не настолько туго, как должно было быть на идеальном корабле. Он сделал мысленную зарубку: надо будет сказать боцману, чтобы он установил поперечные реи, тогда можно будет получить дополнительно три-четыре градуса.

– Мистер Диллон, – произнес Обри, – будьте добры спуститься по ветру и поставить прямой грот. Курс зюйд-тень-вест, полрумба к зюйду.

– Есть, сэр. Взять два рифа, сэр?

– Ни в коем случае, мистер Диллон. Никаких рифов, – с улыбкой отозвался Джек Обри и вновь принялся расхаживать по шканцам. Вокруг звучали команды, топот ног, крики боцмана; он наблюдал за происходящим со странным чувством отчужденности – странным оттого, что сердце у него при этом билось учащенно.

«Софи» стала плавно уваливать под ветер. Находившийся возле штурвала Маршалл воскликнул:

– Так держать! – И рулевой повиновался команде штурмана.

Когда судно стало совершать поворот через фордевинд, продольный косой грот превратился в облако, из которого образовалась сложенная вдоль ткань – серая, безжизненная масса. И вслед за этим появился прямой грот, наполнившийся ветром; в течение нескольких секунд он трепетал, а затем послушно расправился и, закрепленный шкотами, принял правильную форму. «Софи» ринулась вперед, и до того, как Диллон скомандовал: «Отставить!», судно увеличило скорость по меньшей мере на два узла, зарываясь в воду носом и задирая корму, словно возмущаясь действиями рулевого. Диллон послал на руль еще одного матроса – на тот случай, если из-за смены ветра судно рыскнет²⁵. Прямой грот был натянут, как кожа на барабане.

– Позовите мастера-парусника, – произнес Джек Обри. – Мистер Генри, не достанете ли вы другой ткани для этого паруса, чтобы вставить глубокий клин?

– Нет, сэр, – убежденно отвечал мастер. – Да если бы и нашел такую ткань, с таким реем этого сделать невозможно. Посмотрите на пузо этого паруса, – можно сказать, оно похоже на свиной пузырь.

Джек Обри подошел к планширю левого борта и внимательно посмотрел на волны, рассекаемые форштевнем: гребни сменялись впадинами. Что-то пробурчав, он вновь стал пристально разглядывать грота-рей – бревно длиной свыше тридцати футов и диаметром около семи дюймов в середине, уменьшавшимся до трех дюймов у носа.

«Больше похож на вагу, а не на грота-рей», – подумал он в двадцатый раз, едва успев взглянуть на него. Он внимательно наблюдал за реем, на который оказывала давление сила ветра. «Софи» не прибавляла хода, поэтому нагрузка на него не уменьшалась. Рей гнулся и, как слышалось Джеку, стонал. Реи были обрасоплены втугую, и, поскольку «Софи» была бригам, она зарывалась носом. Больше всего гнулись ноки реев, что весьма досаждало Джеку Обри. Он стоял закинув руки назад и внимательно разглядывал рангоут. Остальные офицеры, находившиеся на шканцах, – Диллон, Маршалл, Пуллинкс и юный Риккетс – молча посматривали то на своего нового капитана, то на парус. Они не были единственными членами экипажа, которых заботило происходящее. Большинство наиболее опытных матросов, собравшихся на полубаке,

²⁵ Рыскать – двигаться, уклоняясь от курса то в одну, то в другую сторону (*проф. мор.*).

наблюдали за происходящим, то посматривая наверх, то искоса поглядывая на командира. Возникла странная пауза. Теперь, идя с попутным ветром, то есть почти в том же направлении, куда он дул, они почти не слышали пения такелажа; плавная килевая качка (зыби, идущей против ветра, не было) производила едва заметный шум. Ко всему, стояла тишина, нарушаемая лишь негромким ропотом матросов. Но, несмотря на все их старания не быть услышанными, до шканцев донесся чей-то голос:

– Дай ему волю, так он нас всех погубит.

Джек Обри этой реплики не слышал; он не замечал, что стал центром внимания, будучи глубоко погружен в расчеты. Это были вовсе не математические выкладки, но, скорее, расчеты всадника, сидящего на незнакомой лошади и видящего впереди темный силуэт препятствия.

Вскоре он спустился к себе в каюту и, понаблюдав из кормового иллюминатора, взглянул на карту. Мыс Мола должен находиться с правого борта, вскоре они должны обнаружить его. Мыс увеличит силу ветра, отражая и направляя его вдоль побережья. Джек насвистывал себе под нос модную арию, размышляя: «Если все будет удачно и если я разбогатею, раздобыв, скажем, несколько сотен гиней, то первым делом, расплатившись по обязательствам, поеду в Вену послушать оперу».

Постучавшись в дверь, вошел Джеймс Диллон.

– Ветер крепчает, сэр, – доложил он. – Позвольте убрать грот или, по крайней мере, взять рифы.

– Ни в коем случае, мистер Диллон, – улыбнулся Джек Обри. Затем, подумав, что будет несправедливо возлагать ответственность на плечи лейтенанта, добавил: – Через две минуты я выйду на палубу.

В действительности он вышел раньше и тотчас услышал зловеющий треск.

– Убирать паруса! – скомандовал он. – По местам. Топсель на гитовы. Взяться за топенанты. Тали травить. Поживей!

Матросы работали быстро: рей был невелик и вскоре оказался на палубе, парус от него был отвязан и сложен.

– Треснул посередине, сэр, – невесело заметил плотник. – Конечно, можно наложить шкало, только вряд ли следует полагаться на такое дерево.

Джек Обри кивнул с бесстрастным выражением лица. Подойдя к планширю, он встал на него и поднялся по нескольким выбленкам. Судно качнуло на зыби, и перед капитаном действительно открылся мыс Мола: темная полоска в трех румбах от правого траверза.

– Думаю, нам надо выставить впередсмотрящего, – заметил он. – Прошу вас, мистер Диллон, введите судно в гавань. Прикажите поставить грот и все паруса, какие судно может нести. Нельзя терять ни минуты.

Через сорок пять минут «Софи» оказалась на месте своей стоянки. Еще до того, как судно потеряло ход, на воду был спущен вельбот, который спешно направился в сторону верфи, взяв на буксир поврежденный рей, походивший на рыбий хвост.

– А вот и наш улыбчивый наглый змей, – заметил баковый гребец, когда Джек Обри взбежал по лестнице. – Как только он появился на борту бедной «Софи», то взял ее в оборот, не оставив целым ни одного рея, чуть не сломал ей корпус, а команда вкалывает день напролет без единого перекура. А он бежит себе по лестнице, улыбается, будто наверху его ждет король Георг, чтобы возвести его в рыцарское звание.

– И за обедом минуты лишней не просидишь, – негромко произнес гребец, сидевший в середине шлюпки.

– Молчать! – крикнул мичман Бабингтон, постаравшись придать голосу как можно больше выразительности.

– Мистер Браун, – произнес Джек Обри с самым серьезным видом, – прошу вас, окажите мне важную услугу. Дело в том, что у меня сильно поврежден грота-рей. А сегодня вечером я

должен отплывать, потому что пришла «Фанни». Поэтому прошу вас списать этот рей и выдать мне взамен новый. И не пугайтесь, дорогой сэр, – продолжал он, взяв мистера Брауна под руку, и повел его к вельботу. – Возвращаю вам двенадцатифунтовые пушки, так как, насколько я понимаю, артиллерийское снабжение находится в вашем ведении. Боюсь, что шлюп окажется перегруженным.

– Всею душой рад бы помочь, – отозвался мистер Браун, взглянув на пустой двор, который могла наблюдать и команда вельбота. – Но на складе нет ни одного подходящего рангоутного дерева.

– Послушайте, сэр, вы забыли про «Женерё». У нее три запасных фор-брамсель-рея, а также множество других деталей рангоута. Вы должны первым признать, что я имею моральное право на один из них.

– Что ж, можете попробовать, если угодно. Поднимите дерево, и мы посмотрим, что из этого получится. Но гарантий не даю.

– Позвольте, мои матросы принесут его. Я помню, где рангоутные деревья сложены. Мистер Бабингтон, выделите четырех человек. Пойдемте со мной. Да поторапливайтесь.

– Имейте в виду, капитан Обри, я даю вам его на пробу, – воскликнул мистер Браун. – Посмотрю, как вы будете его поднимать.

– Вот это я называю настоящим рангоутным деревом, – произнес мистер Лэмб, любовно рассматривая рей. – Ни узелка, ни завитка. Настоящий французский товар, я бы сказал. Сорок три фута, а без сучка и без задоринки. Уж к такому рею можно привязывать грот, сэр.

– Да-да, – нетерпеливо отозвался Джек Обри. – Трос с кабестаном соединен?

– Соединен, сэр, – после секундной паузы послышался ответ.

– Тогда тащите.

Трос был прикреплен к середине рея, а затем проложен почти до конца правого борта и привязан в дюжине мест стопорами – отрезками плетеной каболки – к носовой части рея. Трос, привязанный к ноку рея, был пропущен через блок на марсе, затем через другой блок на палубе, откуда он шел на кабестан. После того как начали вращать кабестан, рей стал подниматься из воды, постепенно принимая почти вертикальное положение, пока не оказался на борту судна и не был аккуратно направлен между снастями такелажа.

– Разрезать наружный стопор, – приказал Джек Обри.

Каболка упала, и рей немного наклонился, удерживаемый следующим стопором. По мере того как он поднимался, перерезались другие стопоры, и, когда они были перерезаны, рей повис точно под марсом.

– Так не пойдет, капитан Обри, – произнес мистер Браун, нарушая тишину вечера своим могучим рыком. – Рей слишком велик, и его наверняка унесет ветром. Надо обрезать ноки и уменьшить толщину.

Напоминавший перекладину огромных весов, рей действительно выглядел чрезмерно большим.

– Закрепить лопаря, – сказал Обри. – Не там, подальше к краям. На половине второй четверти. Потравить трос и спустить рей.

Рей опустился на палубу, и плотник бросился за своими инструментами.

– Мистер Уотт, – обратился командир к боцману, – прошу вас, закрепите шкентеля.

Боцман разинул было рот, но затем закрыл его и медленно принялся за работу: повсюду – за исключением сумасшедшего дома – шкентеля крепятся, точно стремяна у лошадей, как коренная часть лопарей (или как коуш на гаке, если угодно), и ни одно из этих устройств не устанавливалось, если нет ограничителя на узкой части, если только конец дерева не был отпилен и не снабжен хомутом, который мешал бы снасти сползать к середине рея. Вновь появился плотник с пилой и линейкой.

– Рубанок у вас есть, мистер Лэмб? – спросил Джек Обри. – Пусть ваш помощник принесет рубанок. Снимите бугель с рея и обстругайте его концы, пожалуйста, мистер Лэмб.

Изумленный Лэмб, наконец понявший, что задумал капитан, принялся медленно стругать ноки рея, снимая стружку до тех пор, пока поверхность дерева не стала как новой и круглой, размером с полпенсовую булочку.

– Достаточно, – заключил Джек Обри. – Снова поднимайте рей, сохраняя его в положении, перпендикулярном набережной. Мистер Диллон, мне нужно на берег. Верните пушки на склад и ждите меня. Мы должны отплыть до вечерней пушки. Вот еще, мистер Диллон, всех женщин – на берег.

– Всех без исключения, сэр?

– Всех, не имеющих брачного свидетельства. Всех потаскушек. Шлюхи хороши в порту, но в море они ни к чему.

Он помолчал, спустился к себе в каюту и через две минуты вернулся, засовывая в карман какой-то конверт.

– Не забудьте про рей! – воскликнул он, садясь в шлюпку.

– Вы будете рады, что послушались моего совета, – сказал мистер Браун, встретив капитана у крыльца. – Рей унесло бы как пушинку с первым порывом ветра.

– Разрешите мне выступать дуэтом, сэр? – спросил Джек Обри с каким-то щемящим чувством. – Я намерен захватить с собой друга, о котором уже упоминал, – великого музыканта, сэр. Вы должны познакомиться с ним в следующий раз, когда мы вернемся в Магон. Вы должны позволить мне представить его миссис Браун.

– Буду польщен и счастлив, – отозвался мистер Браун.

«Теперь к гостинице „Корона“ – и предстанем героями», – сказал себе Джек Обри, двигаясь рысцей с книгой в руке. Как большинство моряков, он был грузен и, находясь на берегу, быстро потел. «В нашем распоряжении еще шесть минут», – определил он, посмотрев при свете сумерек на часы, приближаясь к причалу.

– А вот и вы, доктор. Надеюсь, вы простите меня за то, что днем я вас потревожил. Шеннаган, Бассел, вы двое идете со мной, остальные остаются в шлюпке. Мистер Риккетс, вы бы отошли ярдов на двадцать от берега, чтобы не вводить их в соблазн. Вы меня извините, сэр, если я сделаю кое-какие покупки? У меня не было времени посылать за провиантом, поэтому не будет ни баранины, ни ветчины, ни вина. Боюсь, что большую часть похода придется ограничиться солониной, колбасой и пудингом, запивая все это разбавленным грогом. Однако в Кальяри мы сможем разговестись. Позвольте морякам отнести ваши вещи в шлюпку. Кстати, – продолжал он, шагая в сопровождении двух моряков, следовавших за ними, – пока не забыл, у нас на флоте принято выдавать аванс после принятия на службу. Думая, что вам это не покажется неуместным, я положил в этот конверт несколько гиней.

– Какой славный обычай, – отозвался Стивен с довольным видом. – И как часто он бывает в употреблении?

– По-разному, – отвечал Джек Обри. – Но на флоте так заведено.

– В таком случае, – сказал Стивен, беря конверт, – я непременно подчинюсь таким порядкам: я не желаю выглядеть белой вороной и весьма вам обязан. Вы не могли бы выделить одного из ваших моряков? Виолончель – вещь громоздкая; что касается остальных вещей, то у меня лишь небольшой сундучок и несколько книг.

– Тогда встретимся через четверть часа у входа, – отозвался Обри. – Прошу вас, не теряйте ни минуты, доктор. Шеннаган, присмотрите за доктором и позаботьтесь о его багаже. Бассел, вы пойдете со мной.

Пробили часы, и под их затихающий звон Джек Обри сказал:

– Мистер Риккетс, поставьте сундучок в нос, а сами садитесь на него. Доктор, а вы усаживайтесь вон там и берегите свою виолончель. Великолепно. Оттолкнись! Весла на воду. Брызг не поднимать.

Добравшись до «Софи», моряки подняли на левый борт доктора с его пожитками – так, будто это был какой-то груз. Они были слишком невысокого мнения о новичках, чтобы позволить доктору самостоятельно подняться даже на незначительную высоту. Джек Обри отвел новоприбывшего в отведенную ему каюту.

– Не ударьтесь головой, – предупредил он. – Эта маленькая берлога ваша, устраивайтесь поудобнее и простите меня за недостаточное внимание. Мне надо подняться на палубу.

– Мистер Диллон, – спросил капитан, – все ли в порядке?

– Все в порядке, сэр. Все двенадцать «купцов» отсемафорили.

– Превосходно. Прошу вас, произведите пушечный выстрел и ставьте паруса. Думаю, мы сможем выйти из гавани, поставив брамсели, если этот слабенький ветерок еще удержится. А затем, пройдя с подветренной стороны мыса, окажемся на достаточном удалении от берега. Так что ставьте паруса, а затем надо будет заняться разбивкой на вахты. Длинный день сегодня выдался, мистер Диллон?

– Очень длинный, сэр.

– Я уже думал, он никогда не кончится.

Глава третья

Две склянки, прозвучавшие во время утренней вахты, застали «Софи» идущей по тридцать девятой параллели с ветром, дувшим в галфвинд. Под брамселями шлюп кренился не более чем на два пояса. Можно было бы поставить и бом-брамсели, если бы это стадо «купцов», шедших с подветренной стороны, не решило идти самым малым ходом и до тех пор, пока не рассветет окончательно, неукоснительно придерживаться правила: тише едешь – дальше будешь.

Небо было все еще серым, и никто не мог определить, была ли погода ясной или же небо было затянуто облаками; однако море имело перламутровый оттенок, свойственный скорее свету, чем мраку, и этот свет отражался в выпуклых топселях, напоминающих крупные серые жемчужины.

– Доброе утро, – поздоровался Джек Обри с морским пехотинцем, стоявшим на часах у дверей его каюты.

– Доброе утро, сэр, – ответил часовой, вытянувшись по стойке «смирно».

– Доброе утро, мистер Диллон.

– Доброе утро, сэр, – отозвался лейтенант, притронувшись к треуголке.

Джек Обри определил состояние погоды, состояние парусов и вероятность ясного утра. После душевной каюты он с удовольствием набрал полную грудь воздуха. Повернулся к планширю, в это время еще не завешенному койками, и посмотрел на торговые суда. Они были слегка разбросаны, но никто не отстал. То, что он принял за далекий кормовой фонарь или необычно яркий топовый огонь, оказалось стариком Сатурном, повисшим так низко над горизонтом, что он, казалось, запутался в такелаже. С наветренного борта Джек увидел сонных чаек, лениво пререкавшихся над рябью, которую гнали по поверхности сардины, анчоусы или же мелкая колючая макрель. Скрип блоков, негромкое шуршание тросов и парусины, угол жилой палубы и изогнутая линия пушек перед ним – все наполняло его сердце такой радостью, что он едва не принялся по-ребячьи скакать на месте.

– Мистер Диллон, – произнес капитан, преодолев желание пожать лейтенанту руку, – после завтрака мы должны устроить команде поверку и решить, как нам следует разбить ее на вахты и разместить.

– Согласен, сэр. В настоящее время они разбиты по шесть-семь человек, а новички еще не разобраны.

– Во всяком случае, у нас достаточно людей – мы без труда могли бы сражаться двумя бортами, чего нельзя сказать даже о любом линейном корабле. Хотя мне кажется, что с «Берфорда» мы получили каких-то поскребышей. По-моему, в их числе слишком много матросов с «Лорд-мэра». Надеюсь, с «Шарлотты» нет никого?

– Один есть, сэр. Малый с красным платком на шее, распрощавшийся со своей шевелюрой. Он был фор-марсовым. Бедняга все еще не оправился, сам не свой.

– Грустная история, – покачал головой капитан.

– Да, – согласился Диллон, уставившись в пространство и вспоминая, как в неподвижном воздухе возник столб огня. Судно, на котором находилось восемьсот человек, от клотика до ватерлинии было охвачено пламенем. – Рев пожара было слышно более чем за милю. Всполохи пламени трещали, как огромный флаг под ураганным ветром. Утро было почти такое, как сегодня, но случилось это, пожалуй, несколько позднее.

– Насколько мне известно, вы там были? А какова причина пожара? Поговаривают, что это дело рук одного макаронника, который купился на Бонапартовы сребреники.

– Как мне стало известно, какой-то дурак сложил сено под полуютом, возле ушата с тлеющим фитилем для сигнальных пушек. Сено вспыхнуло и тотчас охватило грот. Все произошло так быстро, что парус не успели взять на гитовы.

– Вы сумели кого-нибудь спасти?

– Увы, немногих. Мы подобрали двух морских пехотинцев и старшину-канонира, но он страшно обгорел. Спасли не более ста человек, если не ошибаюсь. Скверная вышла история. Можно было спасти гораздо больше, но шлюпки не рискнули подойти на нужное расстояние.

– Вне сомнения, на других судах тоже думали о том, как помочь погибающим?

– Да. Когда огонь охватил пушки, они начали стрелять, и все знали, что в любую минуту может взлететь на воздух пороховой погреб. И все-таки... Все офицеры, с которыми я разговаривал, заявляли одно и то же: подогнать шлюпки ближе было нельзя. То же можно сказать и о моем экипаже. Я находился на зафрахтованном куттере, «Дарте»...

– Я знаю об этом, – с понимающим видом улыбнулся Джек Обри.

– ...Милях в трех-четыре по ветру, поэтому пришлось навалиться, чтобы добраться до горящего судна. Но заставить матросов грести быстрее было невозможно: чем ни грози – огонь для них страшнее порки. Среди них не было ни одного взрослого мужчины или юноши, который бы робел под пушечным огнем. Признаться, люди это были послушные, каких поискать, когда следовало пойти на абордаж, установить береговую батарею или что-то еще. И пушки «Шарлотты» не были нацелены на нас, а палили наугад. И все равно настроение у команды куттера было совсем другим, не то что в бою или в непогоду, да еще ночью на подветренном берегу. А когда команда не желает повиноваться, с ней мало что можно сделать.

– Это верно, – согласился Джек Обри. – Того, кто готов повиноваться, принуждать незачем. – Он вспомнил разговор со Стивеном Мэтьюрином и добавил: – Одно другому противоречит.

Он мог бы добавить, что экипаж, у которого резко нарушен распорядок, ограниченный во сне, лишенный своих продажных подружек, не лучший контингент, с которым можно было бы воевать. Но он знал также и то, что любое замечание капитана, произнесенное на палубе судна длиной всего семьдесят восемь футов и три дюйма, прозвучит для команды как официальное заявление. К тому же до старшины рулевых на посту управления и рулевого, стоявшего у штурвала, было подать рукой. Старшина перевернул склянку, и первые песчинки начали нехотя падать обратно в колбу, из которой они только что высыпались. Негромким, как и подбаивает в ночную вахту, голосом он произнес: «Джордж», и стоявший на посту морской пехотинец подался вперед и пробил три склянки.

Относительно неба не оставалось никаких сомнений: от норда до зюйда оно было чисто-голубого цвета и лишь на западе сохраняло следы лилового оттенка.

Джек Обри перешагнул через леерное ограждение, вцепился в ванты и стал быстро подниматься по выбленкам. «Возможно, капитану не подобает такое поведение, – подумал он, остановившись под марселем, чтобы убедиться, насколько повернется рей при туго натянутых оттяжках. – Пожалуй, лучше было подниматься через марсовый лаз». После изобретения площадок на мачтах, называемых марсами, у моряков вошло в обычай добираться до них необычным образом, цепляясь за футоксы, которые идут от лисель-спиртов возле топа мачты к футоксам у внешнего края марселя. Они цепляются за них и ползут, словно мухи, отклонившись на двадцать пять градусов от вертикали, до тех пор пока не доберутся до края марселя, и забираются на него, пренебрегая удобным квадратным лазом возле самой мачты, к которому ведут ванты. Между тем он дает возможность быстро и безопасно подниматься с палубы на верх мачты. Этот лаз, который называют «собачьей дырой», по мнению морских волков, следует использовать лишь тем, кто прежде никогда не бывал на море, или особам с очень высоким чувством личного достоинства, так что когда Джек Обри внезапно появился из него, то так напугал матроса второго класса Яна Якруцкого, что тот взвизгнул на родном польском:

– Матка Боска!

– Ваше имя? – спросил капитан.

– Якруцкий, с вашего позволения, сэр, – отозвался поляк.

– Смотрите в оба, Якруцкий, – произнес Джек Обри и стал без труда подниматься выше.

У топа мачты он остановился, зацепился за ванты, просунув руку через снасти, и удобно устроился на краспицах. В юности он много часов проводил там в виде наказания. Когда Джек впервые научился залезать на мачту, он был настолько мал, что запросто усаживался на среднюю краспицу, болтая ногами, и, обхватив обеими руками деталь рангоута, засыпал, несмотря на дикую качку. Как же ему спалось в те дни! Он всегда хотел спать или есть, или то и другое одновременно. Самая опасная высота была ему нипочем. На старом «Тезее» высота была гораздо больше – около полутора фута, и как же качалась та мачта! Однажды на «Тезее» его стошнило, и он остался без обеда. И все-таки на этой высоте он чувствовал себя уютно. А она составляла восемьдесят семь футов за вычетом осадки, то есть футов семьдесят пять. Дальность видимости горизонта составляла десять-одиннадцать миль. Он посмотрел в наветренную сторону: море на таком расстоянии было совершенно чистым. Ни единого паруса, ни малейшего разрыва тугой линии горизонта. Внезапно брамсель над ним окрасился в золотой цвет; затем в двух румбах слева по носу зажглась светящаяся полоса, и возник край ослепительного солнечного диска. Довольно долго солнцем был освещен один капитан, затем свет коснулся марселя, потом стал опускаться вниз, озарил косой грот, после чего достиг палубы, осветив ее с носа до кормы. Слезы заливали Джеку Обри глаза, мешая видеть, текли по щекам, падая вниз, в теплый золотистый воздух и отклоняясь в подветренную сторону.

Нагнувшись, из-под брамселя он разглядывал своих подопечных: это были два судна с высокой острой кормой, два сноу, балтийский кэт, а остальные – барки-лонга. Все они были на месте, а замыкающее судно ставило паруса. Солнце уже было напоено живительным теплом, и Обри почувствовал, как по всему его телу разлилась ласковая нега.

– Так не пойдет, – произнес капитан вслух: ему предстояло сделать множество дел. Он высморкался и, продолжая разглядывать нагруженный рангоутными деревьями кэт, машинально схватился за наветренный бакштаг, словно за ручку своей каюты, и плавно соскользнул на палубу, при этом думая: «Если приставить по новичку к орудийной прислуге, то это вполне может оказаться выходом из положения».

Пробило четыре склянки. Подняв лаг, Моуэт подождал, когда алый сектор с грузом соскользнет за борт, и скомандовал:

– Переворачивай!

Через двадцать восемь секунд старшина-рулевой, державший песочные часы на уровне глаз, воскликнул:

– Стоп!

Моуэт задержал лаглинь почти на третьем узле, выдернул колышек и направился к грифельной доске, чтобы записать скорость судна: «три узла». Старшина-рулевой кинулся к большим песочным часам, перевернул их и решительным голосом произнес: «Джордж!» Морской пехотинец шагнул вперед и от души пробил четыре склянки. Секунду спустя разверзся ад: во всяком случае, так показалось проснувшемуся Стивену Мэтьюрину, который первый раз в своей жизни услышал жутковатые сигналы боцмана и его помощников, без устали подававших свистками команду «Койки вязать!» Он слышал топот ног и чей-то грозный, потусторонний голос: «Всем на палубу! Всем на палубу! По местам! По местам! Подниматься на вахту! Кончай ночевать! Живо подниматься! По местам! Вот я иду, с острым ножом и чистой совестью!» Стивен услышал три глухих удара – это три заспанных новобранца шлепнулись на палубу. Услышал брань, смех, удар линька по телу, когда помощник боцмана принялся потчевать им замешкавшихся. Затем снова послышался еще более громкий топот: пять или шесть десятков матросов кинулись по трапам вверх, чтобы сложить койки в бортовые сетки.

На палубе фор-марсовые принялись орудовать помпой, а баковые окатывали полубак забортной водой, которую качали марсовые; грот-марсовые мыли правый борт шканцев, а матросы, обслуживавшие шканцы, драили остальное, орудуя брусками пензы, до тех пор, пока вода не стала похожей на снятое молоко из-за смеси мелких частиц камня и дерева палубы. Молодежь и зеваки – те, кто работал целый день, – помпами откачивали воду, собравшуюся ночью в льялах, а подопечные старшего канонира обхаживали четырнадцать четырехфунтовых пушек. Но больше всего доктора завораживал топот множества ног.

«Неужели стряслось что-то необычное? – подумал Стивен, вылезая со всеми предосторожностями из койки, напоминавшей гамак. – Сражение? Пожар? Опасная пробоина? Неужели они так встревожены происшедшим, что не удосужились предупредить меня, забыли, где я?» Он поспешно надел панталоны и вскочил так резко, что ударился о бимс и растянулся на рундуке, схватившись за него обеими руками.

– Что вы сказали? – спросил он, услышав чей-то голос, который донесся до него как сквозь туман.

– Я сказал: «Вы не расшибли себе голову, сэр?»

– Расшиб, – отозвался Стивен, разглядывая свои руки. К его удивлению, на них не было даже следов крови.

– Старые бимсы, сэр, – прозвучал необычно размеренный, назидательный голос, каким на море разговаривают с сухопутными людьми, а на суше – с недоумками. – Надо быть с ними поосторожней, они такие... такие низкие. – Откровенно недоуменный взгляд Стивена напомнил буфетчику о причине его визита. – Не угодно ли вам будет пару котлет на завтрак, сэр? Или бифштекс? В Магоне мы закололи вола, так что мяса у нас предостаточно.

– Вы уже на ногах, доктор! – воскликнул Джек Обри. – Доброе утро. Надеюсь, вам хорошо спалось?

– Прекрасно, благодарю вас. Эти подвесные койки – великолепное изобретение, честное слово.

– Что бы вы хотели на завтрак? На палубе до меня из кают-компании донесся запах бекона, приятнее которого я в жизни не помню – куда там тягаться ресторану! Как вы отнесетесь к яичнице с ветчиной, а вдобавок – к бифштексу? И еще к чашке кофе?

– Ваши мысли в точности совпадают с моими! – воскликнул Стивен, которому предстояло наверстать упущенное по части продовольствия. – Как мне представляется, неплохо бы еще прибавить к этому лук в качестве противоядия от цинготного средства. – При слове «лук» он почти ощутил запах луковой поджарки, почувствовал нёбом ее терпкий вкус и с усилием проглотил слюну. – Что стряслось? – спросил доктор, вновь услышав дикий вой и топот ног.

– Экипажу дана команда спускаться к завтраку, – небрежно ответил Джек Обри. – Приготовьте-ка нам бекон, Киллик. И кофе. Я страшно голоден.

– Как мне спалось? – продолжил Стивен. – Это был глубокий, освежающий сон, никакое снотворное, никакие настойки опия не способны на это. Но мне стыдно за свой внешний вид, за то, что так заспался, за небритую, мерзкую физиономию, не то что вы – свеженький как огурчик. Прошу прощения, я вас оставляю на минуту.

Вернувшись с гладко выбритым лицом, Стивен продолжал:

– Отличная штука эти современные короткие артериальные лигатуры – их изобрел один военно-морской врач из Хазлара. Я только что вспомнил о нем, едва не задев бритвой сонную артерию. Наверняка, бреясь во время качки, моряки получают множество ужасных резаных ран?

– Я бы этого не сказал, – отозвался Джек Обри. – Думаю, все дело в привычке. Кофе? Сущая напасть для нас сорванные пупки – забыл, как этот недуг называется по-ученому, – и оспа.

– Грыжа. Вы меня удивили.

– Грыжа, она самая. Частое явление. Примерно половина членов экипажа страдают ею, поэтому мы поручаем им работу полегче.

– Ничего удивительного, если учесть условия работы моряков. А характер их развлечений, разумеется, объясняет то, что они болеют оспой. Помню, в Магоне я видел группы моряков – веселых, танцующих и поющих вместе с оборванцами. Помнится, там были матросы с «Отважного» и «Фаэтона», но с «Софи», кажется, не было никого.

– Это верно. Экипаж шлюпа вел себя на берегу тихо. Да и понятно почему. Никаких наград они не получали, разумеется, у них не было призовых денег. Только с призовыми деньгами матросики веселятся на берегу. Ведь жалованье у них грошовое. Что теперь скажете о бифштексе и еще одной чашке кофе?

– Буду весьма признателен.

– Надеюсь, буду иметь удовольствие познакомиться вас за обедом с моим лейтенантом. Похоже, он настоящий морской волк и притом джентльмен. Нам с ним предстоит много работы: надо будет расписать членов команды и распределить между ними обязанности – как говорится, составить вахтенное и боевое расписания. Еще надо найти вам и мне прислугу, и вдобавок – вестового. Для этой роли вполне подойдет кок из кают-компания.

– Мистер Диллон, будьте добры, постройте экипаж корабля, – произнес Джек Обри.

– Мистер Уотт, – обратился к боцману Джеймс Диллон. – Собрать весь экипаж.

Боцман повторил команду, и все его помощники поспешили вниз, вопя: «Все наверх!» Вскоре палуба судна – от грот-мачты до полубака – потемнела от людей. Все матросы, даже кок, вытирали руки. Кок вытер их о фартук и, сложив его, сунул к себе за пазуху. Экипаж с довольно растерянным видом выстроился, разбившись на две вахты вблизи левого борта. Новички сгруппировались посередине. У них был какой-то жалкий, пришибленный вид.

– Экипаж построен для проверки, сэр, – приподнимая треуголку, доложил Джеймс Диллон.

– Превосходно, мистер Диллон, – отозвался капитан. – Выполняйте свои обязанности.

По совету казначея писарь принес судовую роль, и лейтенант начал переключку:

– Чарлз Столлард.

– Я, сэр, – откликнулся Чарлз Столлард – матрос первого класса, доброволец с «Сан-Фиоренцо», принятый в состав экипажа «Софи» 6 мая 1795 года двадцати лет от роду. Записей в графе «прогулы», «венерические заболевания», «пребывание в заразных кварталах» не имеется, получил из-за рубежа десять фунтов. Очевидно, малый ценный. Он шагнул к правому борту.

– Томас Мерфи.

– Я, сэр, – произнес Томас Мерфи, коснувшись лба костяшкой правого указательного пальца, и направился туда, где стоял Чарлз.

Жест этот повторяли все матросы, до тех пор пока Джеймс Диллон не добрался до Асσει и Ассу – явно нехристианских имен. Оба матросы первого класса, родившиеся в Бенгалии. Каким ветром занесло их сюда? Несмотря на многие годы службы на королевском флоте, они коснулись рукой лба, затем сердца, быстро поклонившись при этом.

«Джон Кодлин. Уильям Уитсовер. Томас Джонс. Фрэнсис Лаканфра. Джозеф Бассел. Абрахам Вилхейм. Джеймс Курсер. Петер Петерсен. Джон Смит. Джузеппе Лалесо. Уильям Козенс. Люис Дюпон. Эндрю Каруски. Ричард Генри...» Лейтенант продолжал переключку. Не ответили больной канонир и некий Айзек Уилсон. Список продолжали новички и юнги. Всего в нем оказалось восемьдесят девять душ, включая офицеров, матросов, юнг и морских пехотинцев.

Затем началось чтение Дисциплинарного устава. Эта церемония регулярно следовала за богослужением и так тесно с ним ассоциировалась, что у многих слушателей на лицах появлялось постное выражение при словах: «...для лучшего управления флотами Его Величе-

ства, судами и морскими силами, на чем, волею Божественного Провидения, главным образом зиждется богатство, безопасность и могущество королевства. Эти идеи претворяются в жизнь его августейшим королевским величеством с помощью и согласия духовных и светских князей, а также представителей Палаты общин, собравшихся при настоящем составе парламента и по распоряжению такового; начиная с двадцать пятого дня декабря месяца тысяча семьсот сорок девятого года статьи и распоряжения, впредь принимаемые как в мирное время, так и во время войны, должны надлежащим образом соблюдаться и исполняться способом, указанным далее» – этим параграфом должно руководствоваться впредь, без искажения его «всеми флаг-офицерами и всеми лицами, служащими или принадлежащими к кораблям или военным судам Его Величества, виновный в произнесении богохульных и бранных слов, проклятий, пребывания в нетрезвом состоянии, нечистоплотности и других скандальных поступках, понесет наказание, каковое сочтет нужным вынести военный трибунал». При повторном совершении таких проступков «он будет приговорен к смертной казни». «Каждый флаг-офицер, капитан и адмирал флота, который не захочет... принуждать подчиненных ему офицеров и рядовых доблестно сражаться, будет приговорен к смерти... Если кто-то из служащих флота предательски или из трусости сдастся или станет просить пощады, то по решению военного трибунала он будет приговорен к смерти... Всякое лицо, которое из трусости, халатности или недоброжелательства откажется преследовать неприятеля, пирата или мятежника, поверженного или отступающего... будет приговорено к смерти... Если кто-то из офицеров, матросов, солдат морской пехоты или иное лицо на флоте ударит кого-то из своих начальников, обнажит или же попытается обнажить или поднять на него оружие... тот будет приговорен к смерти... Если какое-то лицо на флоте совершит неестественный и позорный акт мужеложества или содомии с мужчиной или животным, то оно будет приговорено к смерти». Слово «смерть» звучало в каждой из статей Дисциплинарного устава; и даже в тех случаях, когда остальные слова были совершенно непонятны, слово «смерть» несло в себе недвусмысленную угрозу, и члены экипажа получали мрачное удовольствие от всего этого. Именно к этому они привыкли, именно это они слышали каждое первое воскресенье месяца и во всех торжественных случаях наподобие нынешнего события. Они находили такой порядок вещей наиболее подходящим для себя, и когда вахта на нижней палубе сменилась, то моряки почувствовали себя совершенно успокоившимися.

– Превосходно, – проговорил Джек Обри, оглядываясь вокруг. – Произвести сигнал номер двадцать три двумя пушками с подветренного борта. Мистер Маршалл, мы поставим грот- и фор-стаксели, и как только вы убедитесь, что пинка догоняет остальные суда конвоя, ставьте бом-брамсели. Мистер Уотт, распорядитесь, чтобы парусный мастер и его помощники тотчас же принялись за прямой грот, и отправляйте на корму одного за другим новичков. Где мой писарь? Мистер Диллон, давайте приведем вахтенное расписание в надлежащее состояние. Доктор Мэтьюрин, позвольте мне представить вам моих офицеров...

Только сейчас Стивен и Джеймс впервые столкнулись лицом к лицу на борту «Софи». Как ни готовил себя доктор к этой встрече, он все-таки был настолько потрясен ею, что на лице его невольно появилось выражение скрытой агрессивности и ледяной сдержанности. Для Джеймса Диллона удар был гораздо неожиданней: в суете и заботах предыдущих суток ему не довелось услышать имя нового судового врача. Однако он и ухом не повел, лишь чуть изменился в лице.

– Не желаете ли вы осмотреть бриг, пока мы с мистером Диллоном будем заниматься делом, или же предпочитаете остаться в каюте? – спросил у доктора Джек Обри после того, как тот познакомился с офицерским составом судна.

– Уверен, ничто не доставит мне большего удовольствия, чем осмотр корабля, – отозвался Стивен Мэтьюрин. – Очень изящное и сложное сооружение... – продолжил он и затем умолк.

– Мистер Моуэт, будьте любезны, покажите доктору Мэтьюрину все, что он пожелает увидеть. Проводите его на грота-марс – оттуда открывается превосходный вид. Вы не боитесь высоты, дорогой сэр?

– Ничуть, – отозвался Стивен, оглядываясь вокруг. – Высоты я не боюсь.

Джеймс Моуэт был нескладным молодым человеком лет двадцати. Он был одет в старые парусиновые штаны и полосатую вязаную фуфайку, в которой походил на гусеницу, зуб марлина висел на его шее, поскольку он собирался участвовать в изготовлении нового грота. Он внимательно оглядел доктора с целью выяснить, что это за человек, и с тем небрежным изяществом и дружеской почтительностью, которые свойственны многим морякам, поклонился и произнес:

– С чего бы вы хотели начать, сэр? Может, сразу полезем на мачту? Оттуда вы сможете увидеть всю палубу.

«Вся палуба» означала ярдов десять в сторону кормы и шестнадцать – в нос, которые прекрасно просматривались оттуда, где они стояли, однако Стивен заявил:

– Обязательно полезем. Идите вперед, а я постараюсь вам во всем подражать.

Он внимательно наблюдал за тем, как Моуэт вскочил на выбленки, и, задумавшись о чем-то своем, полез следом за ним...

Стивен с Джеймсом Диллоном принадлежали к обществу «Объединенные ирландцы», которое в последние девять лет являлось то легальным общественным клубом, где ратовали за предоставление равных прав пресвитерианам и католикам, а также за парламентское правление в Ирландии; то запрещенным тайным обществом; то армией мятежников, основную часть которой составляли побежденные и преследуемые. Мятеж был подавлен со всеми ужасными последствиями, и, несмотря на общую амнистию, жизнь наиболее важных членов организации была под угрозой. Многие из них были преданы – лорд Эдвард Фитцджеральд был предан в самом начале, – многие бежали, не доверяя даже собственным близким, поскольку события ужаснейшим образом разделили общество и нацию. Стивен Мэтьюрин не страшился вульгарного предательства, не боялся он и за собственную жизнь, поскольку не ценил ее; однако он столько пережил из-за многочисленных столкновений, горечи и ненависти, которые порождаются неудачным мятежом, что не мог перенести новых разочарований и старался уклоняться от враждебных, укоряющих встреч с прежними друзьями, охладевшими к нему, а то и успевшими его возненавидеть. Среди тайного общества давно существовали значительные расхождения; и теперь, когда от него остались лишь развалины, все связи прервались, было трудно определить позицию каждого из его членов.

Стивен не боялся за свою жизнь, но в данный момент, оказавшись на середине вант, бывший заговорщик почувствовал весь ужас своего положения. Сорок футов не такая уж значительная высота, но она кажется большой, а твое положение – опасным, поскольку у тебя под ногами нет ничего, кроме непрочной лестницы из качающихся веревок. Когда Стивен достиг трех четвертей высоты вант, возгласы «Отставить!», доносившиеся с палубы, указывали на то, что стаксели поставлены и шкоты натягивают назад. Паруса наполнились ветром, и судно погрузилось в воду с подветренного борта еще на один-два пояса обшивки. В это же время его качнуло, и планширь стал погружаться в воду на глазах у Стивена, смотревшего вниз, после чего палубу залило волной – сверкающей водой, простиравшейся внизу, как раз под ним. Стивен схватился за выбленки с учетверенной силой, перестав подниматься вверх. Он застыл на месте, словно приклеенный, а в это время всевозможные силы – тяжести, центробежные, бессознательного ужаса и разумного страха – обрушивались на его неподвижную, скрючившуюся фигурку, то прижимая к вантам и выбленкам его лицо, на котором отпечатался веревочный узор, то отрывая его от них, как рубаху, повешенную для сушки.

Неожиданно слева от доктора вниз по бакштагу скользнула чья-то тень. Чьи-то осторожные руки охватили его щиколотки, и раздался жизнерадостный юный голос Моуэта:

– Держитесь, сэр. Цепляйтесь за ванты и смотрите вверх. Тронулись.

Правая нога доктора прочно встала на следующую выбленку, за ней – левая. Его еще раз качнуло так, что он закрыл глаза и перестал дышать. В следующую минуту в марсовой дыре появился второй за день посетитель. Моуэт поднялся по футок-вантам и помог доктору забраться на площадку.

– Это марс, сэр, – объяснил ему мичман, делая вид, что не заметил испуганного взгляда Стивена. – А вон там, разумеется, фор-марс.

– Весьма признателен вам за помощь, – сказал доктор. – Спасибо.

– Что вы, сэр, – воскликнул Моуэт. – Прошу прощения... А внизу, под нами, только что поставили грота-стаксель. А вон там фор-стаксель. Такой парус можно увидеть только на военном корабле.

– Эти треугольники? А почему их называют стакселями? – бездумно спросил Стивен Мэтьюрин.

– Потому что они крепятся к штагам и скользят по ним, словно шторы на кольцах, моряки называют их раксами. Раньше у нас были кренгельсы, но в прошлом году, когда мы находились неподалеку от Кадиса, их заменили раксами, которые гораздо удобнее. Штаги – это те толстые тросы, которые идут наклонно вниз и вперед.

– Понимаю, их задача в том, чтобы увеличивать площадь этих парусов.

– Конечно же, сэр, они действительно выполняют такую роль. Но их главная задача – поддерживать мачты, натягивая их в сторону носа. А также не дать им упасть назад во время килевой качки.

– Следовательно, мачтам нужна поддержка? – спросил Стивен Мэтьюрин, с опаской шагнул назад и погладив квадратное сечение мачты и закругленный шпор стеньги, представлявшей собой две прочные параллельные колонны, между которыми был установлен трехфутовый деревянный брус. – А я об этом и не подумал.

– Господи! Да иначе они бы упали за борт, сэр. Ванты поддерживают их с бортов, а бак-штаги – вот эти самые тросы – тянут их назад.

– Понятно-понятно. Скажите, – произнес Стивен, чтобы любой ценой не позволить мичману замолчать, – а зачем эта площадка и почему в этом месте мачта становится вдвое толще? А этот молоток зачем?

– Зачем марс, сэр? Видите ли, помимо того, что на нем можно работать со снастями и поднимать вверх разные предметы, здесь можно расположить стрелков во время ближнего боя. Они могут обстреливать палубу неприятельского судна, швырять вниз зажигательные снаряды и гранаты. А на этих футоксах на краю марса находятся юферсы, к которым крепятся стень-ванты. Марс имеет значительную площадь, поэтому у стень-вант имеется точка опоры; ширина марсовой площадки свыше десяти футов. Так же дело обстоит и выше. Там имеются краспицы, к которым крепятся брамсель-ванты. Видите их, сэр? Вон там, наверху, где сидит впередсмотрящий, позади марса-рея.

– Полагаю, вам не удастся объяснить, для чего предназначен этот лабиринт тросов, деревянных деталей и парусов, не используя морских терминов? Иначе это будет невозможно.

– Не используя морских терминов? Удивлюсь, если это кому-то удастся, сэр. Но я попытаюсь, если вам угодно.

– Не нужно. Ведь все эти детали, как мне представляется, почти в каждом случае называются одинаково.

Марсовые площадки «Софи» были оснащены металлическими стойками, к которым крепились сетки, защищавшие находившихся на них моряков от падения во время боя. Стивен сидел между ними, обхватив рукой стойку и свесив вниз ноги. Он испытывал чувство уверенности, прочно держась за металлические стойки и восседая на толстых досках. Солнце успело к этому времени подняться и теперь отбрасывало яркие лучи и пятна тени на белую палубу. Гео-

метрические линии и кривые нарушались лишь бесформенной массой прямого грота, который расстелили на полубаке парусный мастер и его помощники.

– Скажем, начнем вон с той мачты, – продолжал доктор, кивнув в сторону носа, видя, что Моуэт боится надоест лишними разговорами и объяснениями, – и вы станете называть главные детали снизу вверх.

– Это фок-мачта, сэр. Ее низ мы называем нижней мачтой или просто фок-мачтой. Длина ее – сорок девять футов, и она вставлена в кильсон. С каждого борта ее поддерживают три пары вант. Спереди она крепится фор-штагом, который спускается к бушприту; второй трос, идущий параллельно фор-штагу, называется предохранительным тросом, который служит для страховки. Затем, на расстоянии около трети вверх по фок-мачте, вы видите краг, или хомут основного штага. Главный штаг идет вот отсюда и поддерживает грот-мачту под нами.

– Это и есть главный штаг, – рассеянно произнес доктор. – Я часто слышал это название. Действительно, толстый трос.

– Десятидюймовый, сэр, – с гордостью произнес Моуэт. – А толщина предохранительного троса – семь дюймов. Затем идет фока-рей, но, пожалуй, прежде чем перейти к реям, лучше разберемся с мачтами. Видите фор-марс – такую же площадку, на какой стоим мы? Он покоится на салингах и краспицах примерно на расстоянии пяти частей вверх по фок-мачте; остальная часть нижней мачты идет параллельно со стеньгой, совсем как здесь у нас. Как вы видите, стеньга – это второе рангоутное дерево, поднимающееся кверху, оно тоньше и крепится кверху. Его поднимают снизу, а затем соединяют с нижней мачтой наподобие того, как пехотинец примыкает штык к своему мушкету. Она проходит через салинги, и, когда поднимается на достаточную высоту и отверстие в нижней части стеньги чистое, мы забиваем в него шлагтов, или клин, с помощью кувалды, которую вы называете молотком, при этом напевая известного рода песню...

«Каслри будет висеть на одной мачте, а Фитцгиббон – на другой», – подумал Стивен, через силу улыбнувшись.

– ...Она крепится штагом к бушприту. Если наклониться, то вы увидите угол фор-стеньг-стакселя.

Голос мичмана отвлек доктора от невеселых мыслей. Он заметил, что юноша выжидающе замолчал, произнеся слова «фор-стеньга» и «наклониться».

– Вот как, – заметил Стивен. – И какой длины может быть эта стеньга?

– Тридцать один фут, сэр, как эта. А над самым фор-марсом вы видите бугель грот-стеньга-штага, который поддерживает стеньгу, находящуюся над нами. Затем идут стеньг-салинги и краспицы, где располагается другой впередсмотрящий, и, наконец, брам-стеньга. Ее поднимают и крепят так же, как стеньгу, но удерживающие ее ванты, естественно, тоньше. Спереди она крепится к утлегарю – видите то бревно, которое выступает перед бушпритом? Это как бы стеньга бушприта. Его длина – двадцать три фута шесть дюймов. Я имею в виду брам-стеньгу, а не утлегарь. Он длиной двадцать четыре фута.

– Одно удовольствие слушать человека, так досконально изучившего свою профессию. Вы очень обстоятельны, сэр.

– Надеюсь, что начальство будет такого же мнения, – воодушевился Моуэт. – Когда в следующий раз мы попадем в Гибралтар, буду снова сдавать лейтенантский экзамен. Перед тобой сидят три пожилых капитана; и прошлый раз один злой как черт капитан спросил, сколько саженей мне понадобится для грот-анапути. Теперь я смог бы ему ответить: пятьдесят саженей линя толщиной три четверти дюйма, хотя вы ни за что не поверите. Я полагаю, что смог бы ответить ему на все вопросы, связанные с измерениями, за исключением, пожалуй, нового грота-рея, но перед обедом я измеряю его своей рулеткой. Хотели бы узнать некоторые размеры, сэр?

– С большим удовольствием.

– Ну так вот, сэр. Длина киля «Софи» – пятьдесят девять футов; длина орудийной палубы – семьдесят восемь футов три дюйма. Длина бушприта – тридцать четыре фута. Я рассказал вам о всех мачтах, кроме грот-мачты. Ее длина – пятьдесят шесть футов. А длина грота-марсарея – того, что над нами, сэр, – двадцать три фута шесть дюймов. Длина же самого верхнего рея – бом-брам-рея – пятнадцать футов девять дюймов. Еще имеются стаксель-гики, но сначала я расскажу вам, какие бывают рей, – не так ли, сэр?

– Пожалуй, что так.

– Запомнить их названия очень просто.

– Рад буду сделать это.

– Ну так вот. На бушприте имеется поперечный рей, к которому крепится блинд. Естественно, он называется блинда-рей. Переходим к фок-мачте. В самом низу находится фока-рей, а большой прямой парус, привязываемый к нему, называется фок; выше него находится марса-рей; затем следует фор-брам-рей и маленький бом-брам-рей со скатанным парусом. Таким же образом обстоит дело и с грот-мачтой, только на грота-рее под нами нет поврежденного паруса. Если бы парус на нем был, то он назывался бы прямой грот, поскольку при таком оснащении, как у нас, имеются два грота: прямой, прикрепляемый к рею, и косой, находящийся сзади нас. Он идет в продольном направлении и крепится к гафелю наверху и гикю внизу. Длина гика – сорок два фута девять дюймов, сэр, и толщиной он десять с половиной дюймов.

– Неужели десять с половиной дюймов? – «Как же глупо делать вид, что я не знаком с Джеймсом Диллоном, – подумал Стивен. – Совершенно детская, обычная и наиболее опасная линия поведения».

– Чтобы закончить с прямыми парусами, сэр, надо отметить, что существуют лисели. Мы их ставим, когда ветер дует с кормовых направлений. Они выступают за шкаторины – края прямых парусов – и крепятся к гикам, которые располагаются параллельно рею и проходят через бугели. Вы можете их увидеть без труда...

– А это что такое?

– Боцман дудкой вызывает матросов ставить паруса. Они будут ставить бом-брамсели. Подойдите сюда, сэр, а не то марсовые вас собьют.

Едва доктор успел отступить в сторону, как толпа молодых мужчин и юношей перелезла через край марса и устремилась вверх по стень-вантам.

– А теперь, сэр, вы увидите, как по команде моряки опустят парус, а затем матросы на палубе станут натягивать сначала подветренный шкот, так как ветер дует в эту сторону и он быстрее встанет на место. Затем они примутся за наветренный шкот, и, как только матросы слезут с рея, они станут набивать фалы и развернут парус. Шкоты – это тросы, которые проходят через блок с белой отметиной на нем, а это фалы.

Минуту спустя бом-брамсели наполнились ветром, и «Софи» погрузилась бортом еще на один пояс; шум ветра в такелаже усилился на полтона. Спускались матросы не так поспешно, как поднимались; вахтенный пробил пять склянок.

– Объясните мне, – сказал Стивен, готовый следовать за ними, – что такое бриг?

– Наше судно и есть бриг, сэр, – отозвался мичман, – хотя мы называем его на военный лад шлюпом.

– Благодарю. А что такое... Опять этот свист.

– Это всего лишь боцман, сэр. Должно быть, прямой грот готов, и он хочет, чтобы матросы привязали его к рею.

*Грозный боцман по судну носится,
Хриплый рык его всюду разносится.
Коли брови он хмуро сунит,
Значит, скоро линьком отлупит!*

– Мне кажется, что он слишком часто хватается за палку. Как бы его самого не поколотили. Так вы поэт, сэр? – с улыбкой спросил юношу доктор: ему начало казаться, что он найдет свое место на судне.

Весело засмеявшись, Моуэт произнес:

– Поскольку судно накренилось на этот борт, то и спускаться с этой стороны будет легче, сэр. Я спущусь чуть пониже вас. Существует хорошее правило: не смотреть вниз. Осторожней. Вот так. Славный будет денек. Вот мы и на палубе, сэр. Все в полном порядке.

– Клянусь Господом, – отозвался Стивен, отряхивая руки. – Я рад, что оказался внизу. – «Не думал, что я такой робкий», – подумал он про себя, измерив взглядом высоту, а вслух проговорил: – А не спуститься ли теперь в кают-компанию?

– Может быть, кок найдется среди новичков, – предположил Джек Обри. – Кстати, не угодно ли вам будет отобедать со мной?

– С удовольствием, сэр, – с поклоном отвечал Джеймс Диллон. Вместе с писарем они сидели за столом командирской каюты, на котором лежали судовая роль, инвентарная книга, опись имущества и множество разных квитанций и расписок.

– Поосторожней с этой чернильницей, мистер Ричардс, – сказал Джек Обри в тот момент, когда под напором посвежевшего ветра судно резко накренилось. – Вы лучше заткните ее, а чернильницу из рога держите в руке. Мистер Риккетс, давайте взглянем, что это за люди.

В отличие от старослужащих матросов, это был невзрачный народец. Но ведь старожилы корабля находились, можно сказать, у себя дома и все были одеты в робы мистера Риккетса-старшего, которые придавали им некоторое подобие единообразия. Их сносно кормили в течение нескольких последних лет – во всяком случае, количество пищи было достаточным. Новички, за исключением троих, были взяты по рекрутскому набору из сухопутных графств, большинство к тому же отбирали судебные приставы. Семеро были настоящими висельниками из Уэстмита, которых взяли за драку в Ливерпуле. Они были так плохо знакомы с внешним миром (а от привычного мирка этих ребят оторвали всего на год), что, когда им предложили сделать выбор между сырыми тюремными камерами и флотом, они выбрали последний, как более сухое место. В число новичков затесался даже бывший пчеловод с широкой и печальной физиономией и бородой лопатой. На флот он подался с горя, оттого что все его пчелы погибли. Был безработный кровельщик, несколько отцов-одиночек, два голодающих портных и один тихий помешанный. Самые оборванные получили одежду в плавучих казармах на блокшивах, но остальные были одеты в собственные потертые вельветовые штаны и поношенные куртки. Один провинциал вырядился в холщовый халат. Исключение составляли три моряка средних лет; одного из них, датчанина, звали Христиан Прам. Он был вторым помощником шкипера судна, торговавшего с Левантом. Два остальных были греками, ловцами губок, по имени Аполлон и Тэрбид, оказавшимися жертвами загадочных обстоятельств.

– Превосходно, превосходно, – восклицал Джек Обри, потирая руки. – Думаю, мы можем хоть сейчас использовать Прама. Нам не хватает одного старшины-рулевого. Братьев – ловцов губок назначим матросами первого класса, как только они научатся немного понимать по-английски. Что касается остальных, то это пока балласт. Мистер Ричардс, как только закончите список, сходите к мистеру Маршаллу и скажите ему, что я хотел бы встретиться с ним.

– Думаю, мы сможем включить в вахтенное расписание почти пятьдесят человек, – доложил Джеймс Диллон, оторвавшись от своих расчетов.

– Восемь человек на полубак, восемь марсовых... Мистер Маршалл, входите, садитесь, послушаем ваши соображения. Надо успеть до обеда составить вахтенное и боевое расписания, так что нельзя терять ни минуты.

– А вот здесь мы живем, сэр, – произнес Моуэт, осветив фонарем мичманский кубрик. – Не ударьтесь о бимс. Прошу прощения за запах – очевидно, воздух испортил юный Бабингтон.

– Вовсе нет, – возмутился Бабингтон, читавший книгу. – Как вы жестоки, Моуэт, – прошептал он, кипя от возмущения.

– Кубрик довольно роскошный по нашим условиям, – заметил Моуэт. – Как видите, через решетчатый люк проникает немного света, а когда снимают крышки люка, то внутрь попадает еще и воздух. Помню, в кормовом отсеке на старом «Намюре» приходилось пользоваться свечами, и, слава богу, там мы были лишены ароматного общества юного Бабингтона.

– Представляю себе, как вам жилось, – отозвался Стивен, усаживаясь на койку и оглядывая полутемное помещение. – И сколько вас тут живет?

– Теперь всего трое, сэр. Двух мичманов не хватает. Самые молодые подвешивали свои койки возле хлеборезки и обыкновенно трапезовали вместе со старшим канониром, пока он не захворал. Теперь они приходят сюда, обедают нас и портят наши книги своими толстыми жирными пальцами.

– Вы изучаете тригонометрию, сэр? – поинтересовался доктор, чьи глаза успели свыкнуться с темнотой и разглядели начерченный чернилами треугольник.

– С вашего позволения, сэр, – ответил Бабингтон. – Мне кажется, я почти решил задачу. И решил бы давно, если бы не ввалился этот громила.

Моуэт продекламировал:

*Лежа на койке, мичман погружен
В свои расчеты; делом занят он.
Задачки с синусом и тангенсом решает,
Пришел незванный гость, и он ему мешает.*

– Клянусь честью, сэр, и я этим горжусь.

– С полным на это правом, – отозвался Стивен, рассматривавший кораблики, нарисованные вокруг треугольника. – Объясните мне, пожалуйста, что такое корабль на морском языке.

– Он должен нести три мачты с прямым парусным вооружением, сэр, – любезно объяснили ему молодые люди. – И еще бушприт. Мачты должны состоять из трех частей – нижней мачты, стеньги и брам-стеньги, – поскольку мы никогда не называем кораблем полакр.

– В самом деле? – отозвался Стивен Мэтьюрин.

– Ни в коем случае! – воскликнули оба на полном серьезе. – Не называем кораблем и кэт. То же относится и к шебеке. Хотя вы можете подумать, что у шебеки бывает бушприт, на самом деле это нечто вроде набалдашника на носу.

– Непременно буду иметь это в виду, – сказал доктор. – Мне кажется, вы привыкли к своему жилью, – заметил он, с опаской поднимаясь на ноги. – Должно быть, поначалу оно казалось вам тесноватым.

– Что вы, сэр! – возразил Моуэт и продекламировал:

*Каютой бедной не пренебрегайте,
Гнездом морских орлов ее вы называйте!
Священный чтите, хоть и скромный, сей очаг,
Геройский дух царит тут как-никак!*

– Не обращайтесь на него внимания, сэр! – озабоченно произнес Бабингтон. – Он вовсе не намеревался обидеть вас, уверяю. Просто у него дурная привычка кривляться.

– Пустяки, – отозвался Стивен. – Давайте осмотрим остальную часть этого средства передвижения по хлябям морским, словом, корабля.

Они направились в нос и прошли мимо еще одного морского пехотинца, стоявшего на часах. Пробираясь в темном пространстве между двумя решетчатыми люками, Стивен споткнулся обо что-то мягкое, которое зазвенело и сердито воскликнуло:

– Не видишь, куда идешь, пидор несчастный?

– Слушай, Уилсон, заткни-ка свое хлебало, – оборвал его Моуэт. – Это один из арестованных, закованный в кандалы, – объяснил он. – Не обращайтесь на него внимания.

– А за что его заковали?

– За грубость, – с некоторой чопорностью ответил мичман.

– А вот довольно просторное помещение, хотя и с низким потолком. Насколько я понимаю, оно для унтер-офицеров?

– Нет, сэр. Здесь матросы принимают пищу и спят.

– А остальные, полагаю, размещаются ниже?

– Ниже жилых помещений нет, сэр. Ниже находятся трюм и небольшая площадка, используемая как нижняя палуба.

– Сколько же тут человек?

– Вместе с морскими пехотинцами семьдесят семь, сэр.

– Но все они не могут здесь разместиться. Это же физически невозможно.

– При всем моем к вам уважении, вы не правы – могут. На каждого матроса полагается четырнадцать дюймов пространства, на котором он подвешивает свою койку, и он вешает ее в направлении диаметральной плоскости. Ширина судна на миделе – двадцать пять футов десять дюймов. Получаются двадцать два места – видите, тут указаны цифры.

– Но человек не в состоянии разместиться на четырнадцати дюймах.

– Верно, будет тесновато. Но на двадцати восьми он разместится. Видите ли, на судне с двумя вахтами приблизительно половина экипажа находится на палубе, так что их места в кубрике остаются свободными.

– Но даже занимая двадцать восемь дюймов – два фута и четыре дюйма, – моряк, должно быть, касается своего соседа.

– Конечно, сэр, но в тесноте, да не в обиде, и вода за шиворот не течет. Видите, тут четыре отделения. Одно – от переборки до этого бимса, здесь еще одно; затем до бимса с фонарем, висящим перед ним. Последнее отделение кубрика расположено между ним и передней переборкой, что рядом с камбузом. У боцмана и плотника там имеются свои каюты. Первое отделение и часть следующего предназначены для морских пехотинцев. Затем располагаются матросы, которые занимают три с половиной отделения. Так что, расположив двадцать коек в ряд, удастся втиснуть всех, несмотря на то что мачта съедает немало места.

– Но получается сплошной живой ковер, даже если лежит лишь половина состава.

– Так оно и есть, сэр.

– Где же окна?

– Ничего похожего на то, что вы называете окнами, тут нет, – ответил Моуэт, качая головой. – Наверху имеются люки и решетки, но, когда штормит, они почти всегда задраены.

– А где лазарет?

– Строго говоря, лазарета у нас нет, сэр. Но у больных имеются койки, подвешенные у передней переборки по правому борту рядом с камбузом. Они пользуются рубкой.

– А что это такое?

– Собственно говоря, это не рубка, а галюн. Это не то, что имеется на фрегатах или линейных судах, но он выполняет свое предназначение.

– Какое именно?

– Не знаю, как вам и объяснить, сэр, – смутился Моуэт. – Это клозет.

– Нужник? Сортир?

– Вот именно, сэр.

– А как же справляются с этим остальные? У них что, ночные горшки имеются?

– Ну что вы, сэр, избави бог! Они вылезают вон в тот люк и направляются в галюны, находящиеся по обеим сторонам носа.

– Под открытым небом?

– Так точно, сэр.

– А если погода неблагоприятная?

– Все равно они идут в галюны, сэр.

– И все сорок или пятьдесят человек спят вповалку в этом темном кубрике без окон? Не дай бог, если в таком тесном помещении окажется хоть один больной туберкулезом, чумой или холерой!

– Боже упаси, сэр, – отозвался Моуэт, пришедший в ужас от такого предположения.

– Обаятельный молодой человек, – произнес Стивен, входя в каюту.

– Юный Моуэт? Рад услышать от вас такое мнение о нем, – отозвался Джек Обри, выглядевший усталым и измученным. – Нет ничего лучше, чем добрые сослуживцы. Разрешите предложить вам глоток спиртного? Это наш моряцкий напиток под названием грог, вы пробовали его? В море он очень кстати. Симпкин, принеси нам грогу. Черт бы побрал этого увальня, копаются как черт знает кто... Симпкин! Тащи сюда этот грог. Чтоб он сгорел, этот сукин сын. Ах, ты принес. Это то, что доктор прописал, – сострил капитан, ставя стакан на стол. – Такое мерзкое утро. В каждой вахте и на каждом посту надо поставить одинаковое количество квалифицированных матросов и так далее. Бесконечные споры. И еще... – Подавшись поближе к доктору, Джек Обри прошептал ему на ухо: – Я допустил непростительный промах... Взяв список личного состава, я зачитал имена Флагерти, Линча, Салливана, Майкла Келли, Джозефа Келли, Шеридана и Алоизия Берка – тех малых, которые получили премию в Ливерпуле, – и брякнул: «Если у нас еще появятся эти проклятые ирландские паписты, то половина вахты правого борта будет состоять из них, и нам на всех не хватит четок». Но сказал я это в шутку. Тут я заметил холодок в их взглядах и сказал себе: «Какой же ты болван, Джек, ведь Диллон из Ирландии, и он может счесть это за оскорбление». Ничего против национального чувства я не имею, просто ненавижу папистов. Поэтому я попытался смягчить впечатление, удачно ввернув несколько шуток, направленных против Папы. Но они, похоже, оказались не такими умными, как я считал, и мне ничего не ответили.

– А вы что, ненавидите католиков? – спросил Стивен.

– Еще бы. И писанину ненавижу. Но, знаете ли, паписты очень подлый народ, с их исповедью и прочими обычаями, – отвечал Джек Обри. – Кроме того, они пытались взорвать парламент. Господи, как мы отмечали 5 ноября! Одна из моих хороших знакомых – такая милая девушка, вы не поверите, – так расстроилась, когда ее мать вышла замуж за католика, что сразу же принялась за изучение математики и иврита – алеф, бет, – хотя она была самой красивой девушкой в округе. Она обучила меня навигации, такая умница, благослови ее Господь. Она много чего порассказала мне про папистов. Я уж и забыл, что именно, но они, конечно же, очень подлые люди. Верить им нельзя. Вы только вспомните про мятеж, который они недавно затеяли.

– Но дорогой сэр! «Объединенные ирландцы» – это была организация, состоявшая, главным образом, из протестантов. Их лидерами были протестанты. Семья Эммет, О'Конноры, Саймон Батлер, Гамильтон Роуэн, лорд Эдвард Фитцджеральд были протестантами. Главная идея клуба заключалась в том, чтобы объединить ирландских протестантов, католиков и пресвитериан. Именно протестанты взяли инициативу в свои руки.

– Вот как! А я этого не знал. Думал, все они паписты. Я все это время служил на базе в Вест-Индии. Но после всей этой окаянной писанины я готов ненавидеть и папистов, и протестантов, и анабаптистов, и методистов. И еще – евреев. Плевать мне на них на всех. Но что меня действительно расстраивает, так это то, что я обидел Диллона. Я же сам говорил, что

нет ничего лучше, чем добрые сослуживцы. Ему и так достается: он выполняет обязанности помощника командира и в то же время несет вахту. А для него это незнакомое судно, незнакомый экипаж, незнакомый командир. Мне же хотелось помочь ему вписаться в непривычное окружение. Без взаимопонимания между офицерами удачи не будет. Удачливое судно – это хорошее боевое судно. Вам бы следовало послушать мнение Нельсона на этот счет. Уверяю вас, он совершенно прав. Ах это вы, мистер Диллон. Входите, выпейте с нами стаканчик грога.

Отчасти по профессиональным причинам, а отчасти из-за природной сдержанности Стивен давно решил не вмешиваться в застольные разговоры, и теперь, спрятавшись за щит молчания, он особенно внимательно наблюдал за Диллоном. Та же небольшая, гордо поднятая голова; те же темно-рыжие волосы и, разумеется, зеленые глаза; та же нежная кожа и плохие зубы, которые еще больше испортились; тот же высокомерный вид. Хотя лейтенант был худощав и роста не выше среднего, казалось, он занимает столько же места, что и весивший девяносто килограммов Джек Обри. Главное различие заключалось в том, что из его облика исчезла смешливость, ушло впечатление, будто он только что придумал что-то забавное. Ничего этого в нем не осталось и в помине. Теперь это была хмурая, без капли юмора, типичная ирландская физиономия. Внешне он был сдержан, но крайне внимателен и учтив, ни в чем не проявляя мрачного внутреннего состояния.

Подали вполне съедобную камбалу, которая оказалась еще вкусней без мучной приправы. Затем буфетчик принес ветчину. Ветчина была, по-видимому, из свиньи, страдавшей ревматизмом, хотя относилась к припасам, которые офицеры закупали для себя. Не всякий живодер смог бы нарезать ее так ловко. Посоветовав буфетчику «вбить в свою башку» то, что ему говорят, и «шевелиться поживей», Джеймс Диллон повернулся к доктору и с приветливой улыбкой произнес:

– Мне кажется, я уже имел удовольствие встречаться с вами, сэр? Не то в Дублине, не то в Насе?

– Не думаю, что я имел честь познакомиться с вами, сэр. Меня часто принимают за моего кузена и тезку. Мне говорят, что мы поразительно похожи. Должен признаться, меня это смущает, поскольку он больной на вид, с такой лукавой усмешкой доносчика на лице. А в наших краях доносчиков презирают, как нигде, разве не так? И правильно делают, по моему мнению. Хотя этих тварей предостаточно. – Слова эти доктор произнес достаточно громко, так что его сосед хорошо их расслышал, несмотря на предупреждение капитана: «Полегче... Не расходитесь чересчур... Обопрись о балку, Киллик, да не суй пальцы в тарелку...»

– Целиком с вами согласен, сэр, – с понимающим выражением на лице произнес Джеймс Диллон. – Вы не выпьете со мной стаканчик вина, сэр?

– С большим удовольствием.

Они чокнулись смесью тернового сока, уксуса и сахара, которую продали Джеку Обри вместо вина, а затем принялись за изрубленный капитанский окорок: один – движимый профессиональным интересом, другой – профессиональным стоицизмом.

Однако портвейн оказался вполне сносным, и после того, как скатерть сняли, в каюте возникла более свободная и непринужденная обстановка.

– Расскажите, пожалуйста, о том, что произошло с «Дартом», – произнес Джек Обри, наполняя стакан Диллона. – Я слышал разные истории...

– Я тоже прошу вас, – присоединился к нему доктор. – Сочту за честь для себя.

– Ничего особенного не произошло, – отозвался Джеймс Диллон. – Всего лишь столкновение с жалкой горсткой каперов, драчка мелких судов. Я был временным капитаном зафрахтованного куттера – небольшого одномачтового судна с гафельным вооружением, сэр. – Стивен поклонился. – Под названием «Дарт». Оно было вооружено восемью четырехфунтовыми пушками, что было весьма кстати. Но у меня было всего тринадцать матросов и один юнга. Однако мы получили приказ принять на борт королевского посыльного и десять тысяч фунтов

стерлингов монетами, чтобы доставить их на Мальту. Капитан Докрей попросил меня доставить туда своих жену и сестру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.